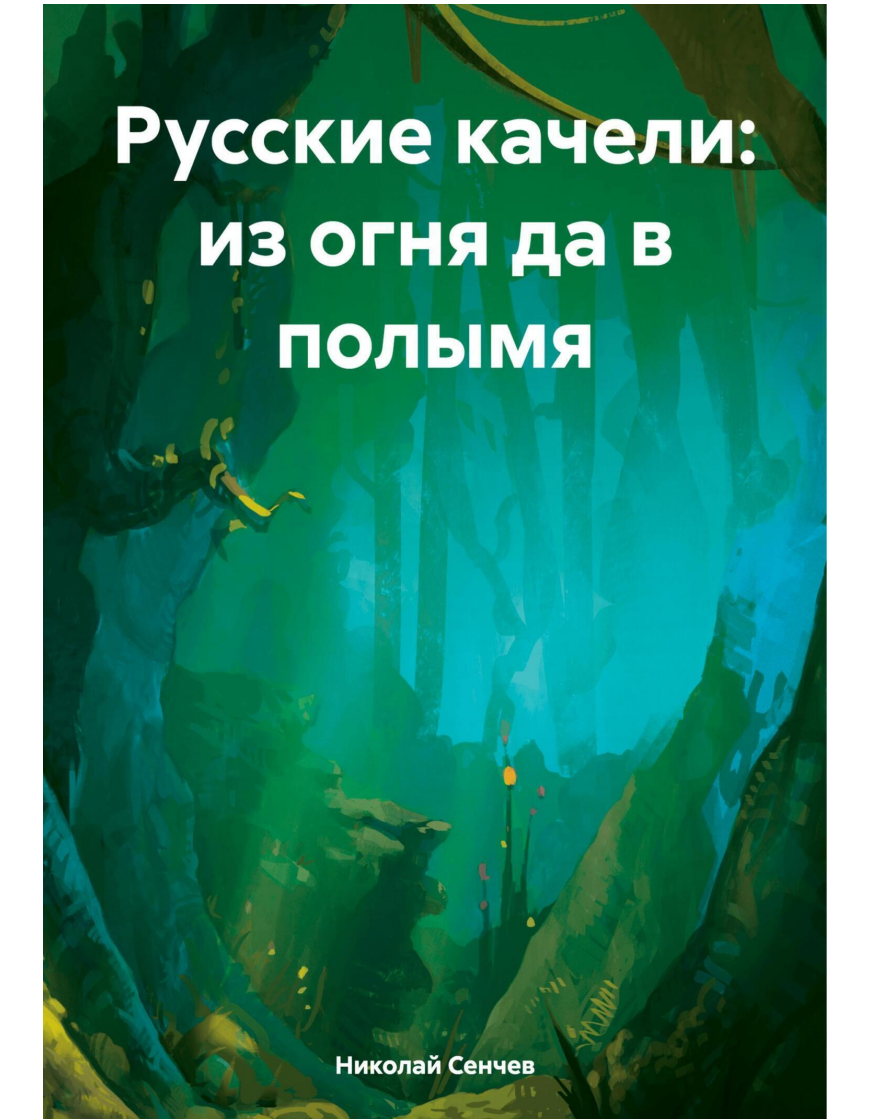

Русские качели: из огня да в полюмя

Николай Сенчев

Николай Васильевич Сенчев

Русские качели: из огня да в полымя

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70607527
SelfPub; 2024*

Аннотация

Журналисты не только рождаются, но и перерождаются... О том, как работалось журналисту в советское и постсоветские времена, какие характеры встречались на его пути и что мешало, на его взгляд, развиваться стране, рассказывается в книге Николая Сенчева "Русские качели:из огня да в полымя

Николай Сенчев

Русские качели: из огня да в полымя

Записки журналиста из прошлой жизни

К известной и стародавней русской забаве – пьянству – добавилось новое увлечение и такое же страстное: написание мемуаров. Иной раз кажется, что пол-России только этим и занимается. Интернет заполнен различными воспоминаниями так плотно, что потеснились даже блогеры и разносчики светских сплетен и слухов. Мемуарное искушение меня ничуть не доставало. Однако жена Елена, сыновья Павел и Иван, считающие меня способным изобразить что-то путное, настойчиво убеждали меня сесть за описание журналистского житья-бытья. А поскольку журналист – существо общественное, то его жизнеописание, как я подумал, не может пройти бесследно. Со вздохом сел за компьютер...

... В несмышлёном возрасте я бегал за радугой, висящей над просторной оренбургской степью. Мчался к оконечности

семицветной подковы в надежде, что вот-вот ещё немного и я окажусь прямо в центре этого райского сияния. Также я стремился догнать фантастические видения – миражи, которые меня и привлекали, и пугали. После дождей согретая солнцем земля отражалась в горячем дрожащем воздухе немыслимыми картинками то в виде блестящего озерца в травянистом оперении, то в виде бредущего по небу человечка, то конской повозкой, летящей над землёй.

Мои детские странствия-путешествия не ограничивались поселком Волжский Курманаевского района Оренбургской области. Однажды зимним полднем я запрыгнул на запятки проезжающих мимо саней. Лошадь быстро домчала до соседней деревни Семёновка, где в саманной избе под соломенной крышей жила моя бабушка, мама моей мамы, Анна Родионовна Малахова. Не знаю, как пятилетнего пацана опознали местные жители, но они сразу же отвели меня именно к моей бабушке, у которой я целых два дня объедался блинами с медом и сметаной.

А в это время посёлок Волжский пребывал в панике. Меня искали всем сельским обществом. Моя мама Ефросинья Тимофеевна и папа Василий Иванович, вероятно, именно в эти дни начали слегка сесть. Нашли меня в общем-то быстро. Меня не пороли. Но бабушке сделали внушение, что вовремя не сообщила о забредшем к ней внуке.

Странствие бурлило в моей детской душе. Начав рано читать книги, я безумно любил благородных героев приклю-

ченческих романов, и часто во сне видел себя в их образах. В жизни были другие образы странников. В наш посёлок время от времени забредали старушки-побирушки. Это были сторбленные унылые женщины, оставшиеся одинокими и беспомощными в послевоенной жизни. Им давали кусок хлеба, сахарку, слипшиеся в душных ларцах пряники – кто что мог.

Моя мама Ефросиния Тимофеевна, как правило, усаживала побирушку за стол, наливала ей щей, подкладывала пирог с луком и яйцом и расспрашивала, что же делается на грешной земле. Именно от странницы я тогда услышал рассказ о необыкновенном чуде, случившемся в городе Куйбышеве (теперь Самара). Там будто бы на молодёжной вечеринке девушка, оставшаяся без приглашения на танец, схватила икону Николая Чудотворца и стала с этой иконой отплясывать. И ... окаменела!

И мама, и странница ахали, крестились и продолжали разговаривать почему-то испуганным шёпотом. Много лет спустя, когда в стране атеизм стал осуждаем, а церковь превратилась едва ли не в государственный институт, российское ТВ о куйбышевском чуде рассказывало на всех каналах и даже был создан художественный фильм по мотивам этого, как теперь утверждалось, реального, а не мифического события.

В пятидесятые годы прошлого столетия странницы и странники были едва ли не единственными разносчиками всяких «неформальных» новостей. Вообще в народе очень

быстро разносились слухи о каких-нибудь происшествиях, о которых вынужденно молчали радио и газеты. К примеру, о Новочеркасских событиях 1962 года народ узнал по сарафанному радио буквально в те же дни. Причем количество убитых при разгоне митингующих рабочих местного электровозостроительного завода в изустной информации удесят�рилось.

В ту пору в нашем посёлке и окрестных деревнях, как, видимо, и по всей стране, проводное радио было в каждом доме. Оно было мощным просветительским и пропагандистским средством. По радио передавали концерты, драматические и оперные спектакли, читались литературные произведения, велись беседы на научные и исторические темы. Мне запомнилось, как мама всегда слушала по радио песни в исполнении Лидии Руслановой и частушки воронежской певицы Марии Мордасовой. Как ни странно, она иногда, если позволяло время, слушала и политбеседы некоего профессора Пухова. Чем он привлекал её внимание, ума не приложу.

Моё детство и отрочество выпало на пятидесятые и шестидесятые годы двадцатого столетия. И так уж вышло, что в моем сознании эти годы ярко отразились символическими эпизодами. После известного хрущёвского доклада на двадцатом съезде КПСС в стране началась так называемая десталинизация. В сельскую глубинку этот процесс пришел не сразу. Люди не могли сориентироваться, что же всё-таки происходит. Хрущёв с его закидонами не вызывал у народа

доверия. И его филиппики в адрес Сталина воспринимались напряженно и с опасением.

Спустя какое-то время Хрущёв через мощный аппарат партийных комитетов взял второй старт в десталинизации. По всей стране стали сносить и уничтожать памятники и бюсты Сталину. В нашем поселке тоже был памятник ниспровергнутому вождю. Он стоял в жиденьком скверике у поселкового клуба. Это было стандартное скульптурное изображение, отлитое то ли в бетоне, то ли в гипсе.

И вот этот памятник партком совхоза поручил снести заведующему клубом Николаю Никифоровичу Павлову. Мужиков на это дело он не нашёл, они уклонялись под разными предложениями. Тогда собрал нас, подростков, и, пообещав конфеты-подушечки, повел галдящую ораву на слом памятника. Где-то раздобыли длинную веревку, намотали её на шею скульптуры и под счет «раз- два- три» с большим трудом сдернули её наземь.

Вторая картинка, застрявшая в памяти, тоже связана с хрущевскими временами. В соседях у нас жила большая мордовская семья Бурцевых. Самый старший из них – дедушка Миша. В свое время он был активистом, членом компартии большевиков. Таким он и оставался. Не знаю, где он научился грамоте, но газеты, приходящие по почте, он читал внимательно, с подчеркиванием химическим карандашом. И каждый раз, откладывая прочитанную газету, снимал очки и вздыхал: опять этот «голова босиком» чудит. Так он называл

руководителя страны Никиту Сергеевича Хрущёва. В народе с неодобрением относились к его зарубежным вояжам. Особенно к таким, когда в многодневные поездки он брал с собой всё свое семейство.

Возможно, такая международная активность Хрущева не вызывала бы в народе скрытого ироничного недовольства, если бы не его сомнительные и бурные реформы во внутренней жизни страны. Прежде всего те, которые касались каждодневной жизни простого люда.

Я, можно сказать, с пелёнок помню, что в нашем домашнем хозяйстве всегда были корова, бычок, овцы, поросёнок и разная птица – куры, утки, гуси. И в других семьях рабочего посёлка живности было вдоволь. И почти у каждого дома огород соток двадцать и даже больше. Этим и кормились, и одевались.

Осенью, когда завершали копку картофеля, отец нанимал машину и вёз картошку в Куйбышев на рынок. А в ноябре-декабре, когда оттепели уже не возвращались, забивали скотину и везли туда же – в Куйбышев, Оренбург или в соседний городишко Бузулук. По возвращении из торговой поездки отец садился за стол, выпивал после дороги гранёный стакан водки, выгребал из карманов смятые купюры, подсчитывал выручку. А потом вместе с матерью прикидывали, на что её тратить в первую очередь. В семье ведь на ту пору было шестеро детей...

Вдруг (конечно, как всегда, неожиданно) вышел запрет

на содержание домашнего скота. Точнее, ограничение в его количестве. Дед Михаил Бурцев отреагировал на это своей фирменной репликой — «опять голова босиком чудит». Но этот очередной закидон хрущёвской власти имел чёткое идеологическое обоснование. Чтобы народ полностью сосредоточился на коллективном социалистическом производстве, нужно было, по убеждению кремлёвских мыслителей, ликвидировать личное подсобное хозяйство, ограничить огородные участки. И сразу же закрутился сумасшедший бюрократический механизм.

Но ведь русский мужик изворотлив. Правдами и неправдами скрывали наличие скота. Счётчики и переписчики, которые ходили по дворам, хорошо угощались и делали соответствующие отметки в тетрадах. И всё равно многие вынуждены были избавляться от скота во избежание неприятностей, а то и судебного преследования.

Эта дурь вскоре сама по себе сошла на нет. И уже в шестидесятых годах, после снятия Хрущёва с должности первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР, личные подсобные хозяйства снова получили право на существование.

В нашей семье скот держали всегда. Он был опорой в жизни, хотя и доставлял много хлопот. В тридцатые годы, когда развернулась раскулачивание, одной из первых, к кому нагрянули активисты, была семья моего деда Ивана Семёновича Сенчева. Посчитали, что пара волов, верблюд и пара ло-

шадей – это несправедливо нажитое богатство. И отправили деда, осудив за антисоветскую агитацию, на стройки народного хозяйства. Оторвали от земли, от привычного образа жизни, от детей. В 1942 году дед Иван Семёнович умер в Орске, где он работал в трудовой армии на строительстве гигантского мясокомбината.

Деда реабилитировали уже в годы горбачёвской перестройки, о чём пришло в нашу семью и семьи моих братьев лаконичное сообщение из Куйбышевской областной прокуратуры. Отец, Василий Иванович Сенчев, в тридцатые годы тоже оказался в немилости, как сын раскулаченного. И он с «волчьим билетом» подался в бега. Скрывался в Средней Азии, в Башкирии. Возвратился, когда власть потеряла к нему всякий интерес. Видимо, таких беглецов по стране было неслыхано, и на них просто махнули рукой.

Такому общественному примирению, очевидно, способствовала надвигающаяся война с фашистским блоком европейских государств. Отец воевал все пять лет как старшина-санструктор. В боях на Курской дуге он в один день вынес с поля боя, из-под огня, 27 раненых солдат и офицеров. За это он был награжден медалью «За отвагу».

О войне он не очень-то любил рассказывать. В его редких воспоминаниях горечь от пережитого на войне у него осталась до конца жизни. Говорил о власовцах. Случалось, идет на встречу колонна власовцев, переодетых в наших бойцов, якобы, на переформирование. А затем уже с тыла развора-

чивались и долбили в спину из всех стволов по своим же. Хотя своими для них они уже не были...

И вот что ещё запомнилось от фронтовых рассказов отца. Перед атакой многие бойцы молились Богу. Даже политрук, атеист, казалось бы, по убеждению, подходил к отцу и шёпотом просил: старшинка, научи меня молитве. Когда отступали к Сталинграду (после сдачи Ростова), начал действовать сталинский приказ: ни шагу назад! Один из молоденьких бойцов, то ли по наущению, то ли по собственной глупости и трусости, совершил самострел. Его поставили в центре каре и дали по нему залп из автоматов.

Отец, рассказывая об этом, еле-еле сдерживал слезы. Даже через столько лет ему представлялся немилосердным расстрел восемнадцатилетнего паренька, который молил о пощаде и отправке его в штрафную роту. А вообще отец понимал, что показательная публичная казнь оправдывалась катастрофической обстановкой, которая складывалась на тот момент не в нашу пользу.

Отец привез с фронта, кроме ранения, около десятка медалей и кучу благодарностей. Ещё была трофейная кожаная тужурка со множеством карманов, карманчиков и застёжек-молний. Меня и брата Сашу особенно привлекал полевой набор хирургических инструментов. Скальпели, щипчики, зажимщики и прочий хирургический инструментарий.

Всё это растащили мы, пацанва, и растеряли. Остался только Орден Отечественной войны и пара медалей, которые

хранятся в семье моего племянника, одного из внуков отца, Дмитрия Трофимова.

Ушедшая уже в историю Великая Отечественная война долго напоминала о себе даже нам, родившимся в конце сороковых – начале пятидесятых годов. Инвалиды,ковыляющие на деревянной ноге, вдовы и матери, не дождавшиеся мужей и сыновей с войны, – это было не просто приметой той жизни. Это была сама жизнь, ещё не стряхнувшая с себя горе и печаль минувшего.

А на детях война тоже оставила свой отпечаток. Из всех детских забав и игр мы предпочитали играть в войнушку. Почему, зачем? Кто знает, может быть, эта психология передалась от отцов и старших братьев, прошедших долгими фронтовыми дорогами.

Как я помню, наш поселок, являвшийся центральной усадьбой крупного зернового совхоза «Волжская коммуна», в отличие от соседних сел и деревень, жил более-менее сносно. Как я уже говорил, выручало личное подсобное хозяйство. Кроме того, рабочие совхоза получали какую-никакую зарплату, чего не было в ту пору у колхозников. Ещё и приворовывали. Каждый – со своего шестка. Комбайнер зерно прихватывал, шофер бензин сливал, скотники и доярки тырили с ферм корма. А участковый милиционер, как судачили жители поселка, промышлял тем, что ночами подламывал замки магазинов соседних деревень, а днем он же принимал участие в расследовании этих ЧП по горячим следам.

Не знаю, находили или нет взломщиков.

Да что взрослые! Мы, сельская ребятня, делали постоянные групповые набеги на совхозный сад и пасеку. В этом, как я думаю, не было прямого жульнического смысла. Это скорее всего была приключенческая игра, поиск адреналина. Когда сторож хватал тебя за вихор, ты потом упоительно рассказывал сверстникам, как ловко вывернулся из цепких мужицких лап.

Поселковый быт был тягуч и однообразен. Но мне он казался отражением интересного неиссякающего мира. А когда пришла пора идти в школу, то я воспринял это как шаг во что-то неведомое и фантастически увлекательное. Но эйфория от школы быстро прошла. Начались вязкие ученические будни. Анна Ивановна Мельникова, мой первый учитель, как могла, учила нас азам начальных классов. Вероятно, среди нас много было бестолочи. И Анна Ивановна в отчаянии срывалась и шлепала линейкой кого-нибудь по лбу. А однажды одного глупого ученика по кличке Гитлер даже постучала головой об стену. Приезжала из райцентра комиссия, проверяла этот эпизод. Но мы не выдали нашу учительницу. Как раз накануне приезда проверяющих она пригласила нас к себе на блины...

Сейчас много говорят о достижениях советского образования. Я не тороплюсь ни хвалить, ни осуждать систему школьного обучения, которую прошел сам. Могу сказать только одно: среди сельских учителей было немало слабень-

ких педагогов, порою случайных людей, да и просто малограмотных. К примеру, историю нам преподавал завуч школы, фронтовик Александр Михайлович Н. Как преподавал? Ходил по проходу между партами и монотонно, надоедливо читал по учебнику очередную главу. А потом опрашивал, что из прочитанного мы запомнили.

С таким учителем историю толком не узнаешь. Но меня выручали художественные книги на исторические сюжеты, которые я читал даже при свете керосиновой лампы, когда после полуночи в посёлке отключали тракторный двигатель, генерирующий электроэнергию.

Однажды на уроке Александр Михайлович завел речь о двурушниках, отщепенцах, предателях советской власти. И назвал фамилию – Яков Пастернак. Я по глупости своей взял и поправил: не Яков, а Борис Пастернак.

Что тут началось! Завуч потребовал сказать, откуда я знаю это мерзкое имя. Пришлось сознаться. О Борисе Пастернаке и его романе «Доктор Живаго» я услышал от соседа Виктора Казакова, не так давно вернувшегося из мест заключения. Он был осужден за бытовой конфликт с молодой женой – проще сказать, за избиение жены.

В зоне, оказывается, можно научиться не только уголовному ремеслу, но и узнать много интересного от бывалых умных сидельцев. Виктор Казаков, как губка, впитывал рассказы уважаемых эков, которые «ботали не только по фене», но и вели вполне интеллигентные беседы о светской жизни, из

которой их выдернула судьба. Короче говоря, зона многому научила его. Это была как бы вторая, параллельная, система образования, но со своим специфическим уклоном.

В общении с Виктором Казаковым я узнал много интересного, что, увы, не могла дать мне школа. Он рассказывал о поэтах и писателях, которые преследовались за нелояльное отношение к власти, сам нелестно отзывался о власти и я, вначале пугливо воспринимавший его крамольные суждения, вскоре проникся критическим отношением к власти как таковой, так и к конкретным её носителям.

Уже в школе я поплатился за свое излишнее любопытство к жизни. Стойкая неприязнь ко мне завуча Александра Михайловича Н. продолжалась до самого десятого класса. Никак он не мог простить мне «Якова Пастернака». Уже на выпуске из школы чёрт меня дернул спросить у него совета. Из районной газеты «Знамя труда», куда я посылал свои нелепые стихи, поступило предложение поработать у них с трехмесячным испытательным сроком Меня это обрадовало и озадачило. Потяну ли?

И вот решил узнать мнение завуча. Александра Михайловича аж передернуло. Он диким взглядом посмотрел на меня и грубо, насмешливо, с протяжной интонацией переспросил: ко-ого пригласили? Тебя?! Какие глупости!

Я очень переживал этот эпизод. И если до этого у меня была хоть капля уважения к завучу, то теперь я его невзлюбил, как ненавидел, вероятно, и он меня.

К моему счастью, обиды забываю быстро и спустя полгода, встретив Александра Михайловича, я радостно и искренне приветствовал его. Он, помнится, испуганно это воспринял и, преодолев растерянность, спросил: как работает-ся? Вот на этот вопрос я и сам бы хотел слышать от себя ответ.

XXX

Районная газета ввела меня, семнадцатилетнего юношу, в самый вихрь жизни. Но эту жизнь я воспринимал тогда поверхностно и даже легкомысленно. Почему-то в моем раннем сознании отпечаталась мысль, что журналист – это такой волшебный человек, который всё может и за это ему ничего не будет.

Я колесил на попутках по всему району, бывал на фермах и в полях, в машинных мастерских, летних пастбищах. Результатом таких бесконечных поездок были заметки и зарисовки, которые я перечитывал уже в газете по несколько раз. И мне казалось, что все красивые девушки в округе знают, кто автор таких гениальных заметок.

Спустя многие годы, когда я работал уже в газете «Правда», на одном из редакционных совещаний выступал с обзором редактор газеты по отделу науки Владимир Степанович Губарев. Он был критичным, взыскательным человеком и умел тонко, остроумно поддеть своих коллег за их профес-

сиональные слабости.

— Есть четыре стадии развития журналиста, — сказал Владимир Степанович на той летучке. — Первая стадия — это когда автор безумно рад появлению своей фамилии даже под малюсенькой и глупой заметкой. Вторая стадия, когда автор пишет только гигантские статьи и думает, что ими зачитывается весь мыслящий мир. Третья стадия, когда автор озабочен реакцией читающей публики. Четвертая стадия, когда автору все равно, какая статья, большая или маленькая, ему даже все равно, стоит ли под статьей его фамилия, но он сам точно знает, что такую статью он обязан был написать...

Так вот, если следовать такой ироничной градации, я в пору своей работы в районке был, пожалуй, в самом начале первой стадии журналистики. Но надо отдать должное моим коллегам по районной газете. Они терпеливо вразумляли меня.

Первый серьёзный урок я получил в самом начале своей работы. Небольшая сатирическая заметка о том, как сельский почтальон вскрывает и прочитывает письма своих односельчан вызвала бурю. Почтальон пришел в редакцию и потребовал доказательств своего нехорошего поступка. А у меня их, кроме досужих разговоров и предположений, не было.

Редактор Борис Прохорович Лукин написал приказ о моем наказании. Репрессивную меру подкрепил долгой беседой о журналистской этике, о необходимости и обяза-

тельности всесторонне проверять факты. Особенно, когда речь идет о критической оценке человека, его поступков. И неважно, кто этот человек. Простой сельский почтальон или председатель колхоза, заведующий магазином или бригадир животноводческой фермы.

– Учти, ещё один такой проступок и вылетишь из редакции как пробка, – пригрозил напоследок редактор.

После такой проработки я был подавлен. Была даже мысль написать заявление об уходе и податься в Новоорск на строительство Ириклинской ГРЭС, где уже трудился один из моих одноклассников, уехавший туда по комсомольскому набору. Мой такой порыв остудил отец. ««Так и будешь скакать по жизни», – сказал он назидательно. – Раз уж выбрал дорогу – иди по ней, не сворачивая».

Мать и отец всегда переживали за меня, не давая об этом виду. Но никогда не навязывали свою волю. Работа корреспондента им, деревенским людям с крестьянской психологией, представлялась, наверное, несерьезной. Но они ни разу не упрекнули меня в выборе профессии.

Итак, работа в районной газете началась для меня с поучительного эпизода, ставшего уроком на всю жизнь. В редакции трудились журналисты, годящиеся мне если не в отцы, то в старшие братья. Для меня ближе всех был ответственный секретарь редакции Александр Иванович Лапынин. Именно он предложил мне, вчерашнему выпускнику школы, работу литературного сотрудника.

Как самого молодого, меня активно гоняли по всему району для сбора материала и подготовки публикаций. Как я уже говорил, приходилось пользоваться в основном популярным транспортом. Иногда выпадала честь проехать в какое-нибудь хозяйство на белоснежной редакционной «Волге» с фигуркой никелевого оленя на капоте. Тогда, как мне казалось, в колхозах смотрели на тебя уже по-другому, с подчеркнутым уважением. Очевидно, так это и было. Не случайно же районные чиновники так дорожили атрибутами их начальственного положения.

Я бы не сказал, что работа корреспондента в районке была на износ. Я с удовольствием мотался по селам и деревням, привозил зарисовки и репортажи. Когда поступало срочное задание редактора или заведующего отделом сельского хозяйства об очерке в номер, то приходилось и его писать, ничего толком не зная о герое своего экстренного повествования. Приходилось домысливать, напрягать фантазию, чтобы выдать очерк с пылу-жару.

Так называемый художественный домысел, которыми пользовались все мои районные коллеги, смешил наших читателей, и они нередко прямо говорили в глаза: ну и мастаки же вы врать. И все же районку подписчики любили. Пусть и в искривлённом виде, но она доносила информацию до сельского населения. Обязательным делом была публикация производственных сводок. О надоях молока, о привесах скота, о вспаханных гектарах, о тоннах вывезенного навоза на

поля, о снегозадержании и так далее... И это, пусть не покажется странным, тоже интересовало около трех тысяч наших подписчиков.

Производственный дух пропитал все поры социальной жизни района. Даже художественная самодеятельность была подчинена пропаганде трудового энтузиазма. Со сцены районного Дома культуры звучали, к примеру, такие задорные песни, сочинённые местными авторами.

Повысим качество, коли

Повысим качество, коли

Повысим качество, количество

Надоев молока...

Не удивительно, что на страницах газеты нет-нет да появлялась критика. Следуя требованию устава КПСС развивать критику и самокритику, районный первый секретарь подталкивал нас смелее бичевать недостатки. И в этом не было равных нашему редактору Борису Прохоровичу Лукину. Писал он хлётко, на уровне большой прессы. Правда, объекты его критики были не выше председателя колхоза или секретаря партбюро. Тем не менее, у наших читателей складывалось впечатление о районке как смелой принципиальной газете.

Надо, однако, отметить вот что: после мартовского пленума ЦК КПСС в 1965 году в стране общая обстановка оживилась. Отстранение от власти Н.С. Хрущёва (вполне демократическим путём на пленуме ЦК КПСС, где ему предъявили

обвинения в экономическом волюнтаризме и отходе от коллективного принципа руководства) было одобрительно воспринято в низах. И действительно, экономические кульбиты Хрущёва в сельском хозяйстве, организационные, до конца непродуманные новации в управлении народным хозяйством негативно сказались на развитии страны. Во многих городах люди становились в очереди за хлебом. А это, естественно, затушёвывало всё хорошее, что было достигнуто при том же взбалмошном Никите Сергеевиче.

Итак, смена власти посеяла в народе новые надежды. Дед Михаил Бурцев, выступавший в нашем посёлке как авторитетный эксперт, глубокомысленно изрек: чай, хуже не будет... Жизнь начала выравниваться. Этому способствовали активные косыгинские реформы. Они были заложены в программные положения восьмого пятилетнего плана на 1965-1970 годы. Председатель Совета Министров А.Н. Косыгин предпринял энергичные усилия, чтобы уйти от модели мобилизационной экономики, которая по инерции продолжала действовать после окончания Великой Отечественной войны.

Это были хоть и активные, но пока ещё нетвердые шаги в сторону развития рыночных механизмов. Сокращались плановые показатели, а значит, ослабевало администрирование, чем злоупотребляли особенно неподготовленные, а порою просто безграмотные, если не глупые, чиновники разных уровней. На предприятиях начали создаваться фонды мате-

риального стимулирования. Промышленное строительство стало финансироваться за счет кредитов, а не прямых бюджетных инвестиций. Совнархозы, которые выполнили свою роль, были упразднены и восстановлены отраслевые министерства.

В этом была своя логика. Совнархозы приблизили управление к производству, усилили кооперирование в пределах экономических районов. В то же время ослабла управленческая вертикаль. Самостоятельность регионов имела негативную обратную сторону: нарушались производственные связи между предприятиями разных регионов. Пришлось снова вспомнить о министерствах.

Косыгинские реформы благоприятно сказались и на сельском хозяйстве страны. Повысились закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию; произошло перераспределение части национального дохода в пользу аграрного сектора. В результате этих и других мер оживилось сельскохозяйственное производство, улучшилось обеспечение городов продовольственными товарами, выросла производительность труда, практически все показатели пятилетки были выполнены в полном объеме.

Как раз на эти годы выпала моя журналистская молодость. На моих глазах менялась деревенская жизнь. Всё меньше оставалось изб, крытых соломой. Её заменяли тёсом, шифером и даже кровельным железом. В селах строились водопроводы, Дома культуры, школы. Чтобы ускорить обновле-

ние деревень, в районе стали возводить кирпичные заводы. Один из таких был в поселке Волжский. Другой – в соседнем колхозе.

Во всем чувствовалось устремлённость к хорошей будущей жизни. У людей была эмоциональная приподнятость. И это состояние поддерживалось лучшим в мире на тот момент советским киноискусством, доступным для самых глухих деревень благодаря разветвлённой киносети и кинопередвижкам.

В народе стали уважительнее относиться к представителям партийной и хозяйственной власти. Впервые после тяжёлых послевоенных лет люди ощущали благоприятные перемены и это в общем-то справедливо ставили ей в заслугу. Вот разве что премудрый дед Бурцев скептически воспринимал эти перемены. Погодите, твердил сельский политолог, долго так не продержится. Никогда народ не жил хорошо и нечего привыкать. И ещё он предрекал уход Косыгина с политического Олимпа. Кого народ любит, говорил он, того не любит сама власть.

Косыгин, действительно, вскоре ушёл в тень. Не уверен, что причиной этого стала ревность генерального секретаря КПСС Л.И.Брежнева, не терпящего рядом с собой, как утверждают некоторые историки, фигуру более значительную, более яркую, чем он сам. Как бы там ни было, косыгинские методы руководства огромным хозяйством СССР уступили привычному администрированию и жёсткому центра-

лизованному планированию. Позднее стали говорить, что эти реформы были заведомо обречены на провал, поскольку «нельзя запрячь в одну телегу коня и трепетную лань», совместить социализм с рыночной экономикой.

Такое утверждение, на мой взгляд, является ложным, по существу. Социализм, как учение, никогда не отвергал любые способы хозяйствования, если они вели к росту благосостояния и социального благополучия. Пример тому, ленинский НЭП и современная экономика Китая – страны, где социализм был и остается государственной идеологией.

Но от общих рассуждений возвращаюсь на землю. Как журналист, работающий в районной газете, я многого не понимал ещё. Я был в шорах своего юношеского возраста и слабенькой образованности. Пробелы в знаниях возмещал за счет общения с опытными людьми. Наверное, мне повезло, что на моем раннем пути встретились интересные и соведливые люди. Вспоминаю Михаила Кузьмича Гусака, Николая Михайловича Терехова, Александра Ивановича Лапынина и, конечно же, редактора Бориса Прохоровича Лукина.

Лукин, как руководитель редакции и журналист, заметно выделялся среди таких же редакторов районных газет Оренбургской области. Из-под его начала впоследствии забрали на редакторство Михаила Гусака и Александра Лапынина. Позднее возглавил одну из районных газет и Николай Терехов. А корреспондент Любовь Жукова (Красавина) в девятые годы стала заметным журналистом в Самаре.

Я старался следить за судьбами своих коллег, ставшими для меня первыми наставниками в журналистике. Однажды я узнал о ранней кончине Бориса Прохоровича Лукина. Подробности меня не удивили. Он был пристрастен к алкоголю, и это было причиной многих скандальных историй. Его сняли с должности редактора, и он устроился на работу в соседний город Бузулук в газету «Под знаменем Ленина». В одной из командировок умер от сердечного приступа прямо в машине.

Я догадывался, что ранняя его смерть связана с пьянством. Но каких-то решительных выводов из этого лично для себя не сделал. В последующие годы я легко соглашался на пьяные посиделки и, конечно, многое потерял от этого пагубного и грубого увлечения, о чем теперь запоздало сожалею.

После года работы решил поступать на факультет журналистики МГУ. Даже сам не понимаю, почему я выбрал именно этот столичный вуз, который был мне не по зубам. Впрочем, я, наверное, не смог бы сдать экзамены и в любом другом городе по следующей причине. В аттестате о среднем образовании по немецкому языку у меня, как и у всего нашего выпуска, стояла тройка. В действительности же немецкий язык в школе преподавался от случая к случаю. Молодые девушки – выпускницы инфака – в поселковой школе долго не задерживались. И в наших головах от такой учебы застряли разве что две фразы: «Хендэ хох» и «Гитлер капут».

На удивление на вступительных экзаменах в МГУ профильные предметы я сдал на «хорошо». И вот экзамен по немецкому языку... Экзаменатор, женщина немолодых лет, стойко вынесла моё бормотание и под конец сочувственно спросила: «Юноша, в какой же школе вы учились?». На прощание, ставя в зачетку двойку, посоветовала: «Вы никогда никуда не поступите, если не займетесь немецким языком».

Этот совет крепко запал мне в душу. И будучи на флоте на срочной службе, я в течении двух лет ежедневно, после отбоя и до подъёма, зубрил немецкий язык по самоучителю. И это потом мне позволило легко сдать экзамены в Уральский госуниверситет на факультет журналистики.

Поездка в Москву с авантюрным желанием поступить в МГУ меня обогатила фантастическими впечатлениями. Столицу я воспринял как райское место, где всем хорошо и всем весело. В ту пору – а это был год пятидесятилетия Великой Октябрьской Социалистической революции – Москву обихаживали с особой тщательностью. Она была опрятна и цветиста. Её еще не донимали гигантские автомобильные пробки, а наплыв в Москву «мешочников» – гостей из всех областей и республик Союза – вовсе не портил картину городского быта, а добавлял своеобразного колорита.

Кроме меня, неудачниками на экзаменах оказались соседи по общежитию в Доме студентов на Ленинских горах. Один из них Михаил Великанов – уроженец Хиславичей Смоленской области. Это был высокий красивый парень, по-

мешанный на поэзии серебряного века. Позже он работал в газетах Смоленщины, возглавлял пресс-службу Смоленской городской администрации. И вот он предложил: а давайте-ка кутнём на прощание!

И мы направились не куда-нибудь, а в самый центр столицы в ресторан «Националь». Это было в первой половине дня. Швейцар встретил нас с показным благодушием, и мы уселись за один из столиков, покрытых хрустящей белоснежной скатертью. Заказ наш был более чем скромнен. Одна бутылка водки на четверых и горячее блюдо – «мясо по-марсиански».

Наш провинциальный вид, очевидно, о-очень забавлял официанта: он был подчёркнуто вежлив, улыбчив, обслуживал так, будто мы были важные персоны. А настоящие важные персоны для него находились поодаль. Мы украдкой поглядывали на столик, за которым сидел старик с породистой внешностью и молодая дама, разодетая и накрашенная для соблазна. Обхаживая старичка, она нет-нет, да и постреливала глазками в нашу сторону. Честно говоря, мы не понимали, зачем она это делает. Нам казалось это нечестным. Развлекается за счет престарелого ухажёра и смотрит ещё на сторону.

Гораздо позже, когда либеральные веяния окутали, как смог, всю страну, проституция стала таким же естественным явлением как закат или восход солнца. А тогда эта ресторанная картинка казалась нам экзотикой. И мы, покинув «Националь», долго обсуждали эту встречу.

Именно та Москва, с которой я познакомился в 1967 году, запала в моё сердце. В ней тогда было всё: красота и чистота проспектов и улиц, и приветливость москвичей, и относительный достаток, доступный едва ли не всем. На мой первый непросвещённый взгляд, это была самая настоящая демократичная обстановка.

Но, оказывается, была и другая Москва, недоступная случайному взгляду. В многомиллионных людских недрах столицы вызревали свои касты и сословия криминального и полукриминального типа. Крепла и множилась чиновничье-бюрократическая рать, которая при Хрущёве окончательно очнулась от испуга сталинских репрессивных времён. А при Брежневе, склонном к сибаритству и умиротворению, власть всё глубже и глубже погружалась в свои интересы, а не всего народа. Нефтедоходы второй половины шестидесятых и первой половины семидесятых годов создавали одурманивающую иллюзию вечного благополучия. Старееющее руководство страны уже не могло эффективно управлять народным хозяйством.

Этот ползучий процесс деградации вызывал недовольство и сопротивление у мыслящих, критически настроенных людей. Диссидентское движение отражало эти протестные настроения, стремилось достучаться до Кремля. Но в ответ следовала репрессивная реакция, обвиняющая поголовно всех диссидентов в услужении Западу. Очевидно, под протестной маской скрывались и явные предатели, пособни-

ки иностранных разведок. Но здоровое ядро диссидентского движения составляли патриоты, болеющие за будущее страны в её социалистическом обличье.

Однако яростное отстаивание партийно-бюрократической верхушки своего статус-кво у многих посеяло сомнение уже и в правильности социалистического выбора. Так началась ревизия всей нашей прошедшей жизни после октября семнадцатого года. Но это случилось позже, когда после «гонки на катафалках» – после скоротечных смертей Брежнева, Андропова и Черненко генсеком стал Михаил Горбачёв, которого в народе окрестили Мишкой Меченым за большое родимое пятно на затылке.

После провала на экзаменах в МГУ я не захотел возвращаться в районный поселок Курманаевку – в газету, где состоялись мои первые журналистские шаги. Душа странника требовала новых впечатлений, знакомства с новыми людьми. Вместе с таким же несостоявшимся студентом ростовчанином Толей Курочкой мы узнали о вакансиях в районной газете Целиноградской области и решили двинуть туда.

Городок Державинск, где располагалась редакция газеты «Целинное знамя», в каком-то роде был для меня уже родным. Здесь проживали со своими семьями две моих старших сестры – Мария и Вера. Они и помогли нам обустроиться на первых порах. Толя Курочка, однако, не вынес спартанских условий местной жизни и вскоре укатил в Ростов-на-Дону.

А мне было не привыкать к суровому быту, и я окунулся с головой в жизнь районного газетчика.

Район, по которому я колесил и днем и ночью, представлял из себя десятка два гигантских зерновых совхозов, несколько элеваторов, автобаз и строительных механизированных колонн. В них работали не только первоцелинники. Сюда съезжалось и свежее пополнение из всех уголков Союза. Было много украинцев, белорусов, армян. Казахи жили отдельными редкими аулами и занимались в основном скотоводством. Взаимоотношения были мирными, если не дружескими. Во всяком случае никаких инцидентов на национальной почве не было и в помине. А молодёжные стычки случались исключительно из-за девушек или по пьяной лавочке.

Молодость и романтический склад характера определял тональность моих публикаций в «Целинном знамени». Я охотно писал зарисовки и очерки о первоцелинниках, отыскивал людей с интересными судьбами и рассказывал о них. Не помню, чтобы в газете были какие-то серьезные критические публикации. Редактор Николай Сергеевич Колинко, ставший впоследствии помощником или советником самого Нурсултана Назарбаева, исповедовал идею исправления нравов.

Конечно, проще было писать назидательные корреспонденции о брошенных стареющих матерях, об алиментщиках, мелких воришках, прогульщиках и пьяницах. О них газета

и писала. Но капитальные проблемы жизни целинного района мы обходили стороной. Это и понятно. Газета, как орган райкома партии, не могла поднять голос против местного руководства. Да от этого руководства многое и не зависело.

В тот год, когда я приехал на целину, на село стали поступать мощные колёсные тракторы «Ка-700». В народе их называли Кировцами. Машины классные! Механизаторы их встретили с восторгом. Но первые же месяцы показали, что такому богатырю нужен большой шлейф широкозахватной сельскохозяйственной техники – сеялок, плугов, культиваторов, больших транспортных тележек. Иначе такому трактору нечего делать в бескрайних зерновых полях. Нуждалась в доработке и колесная база «Кировца», поскольку этот трактор своими колесами утрамбовывал пашню, наносил ей урон.

Это была серьёзная общесоюзная проблема. О ней уже говорили в кабинетах разных уровней. Писать об этом в районке не было смысла. Тем временем бюрократическая говорильня об этой проблеме затягивалась, казалось, не будет ей конца. И тут наш коллега из областной газеты «Целиноградская правда» Олег Степаненко выдал в центральной «Правде» статью под заголовком «Богатыри теряют силу».

И тут в верхах зашевелились. Статья, рассмотренная на Политбюро ЦК, стала сильным толчком к созданию производства специальной почвообрабатывающей техники для таких тракторов как «К-700». С автором этой публикации позднее я встретился в Москве в редакции газеты «Правда»,

куда меня пригласили работать собкором по Ульяновской, Пензенской областям и Мордовской АССР.

Наши взгляды на многое, что происходило в стране совпадали. Корень управленческих злополучий мы находили в неповоротливом исполнительном механизме, в неумышленном, а нередко и умышленном, саботировании прогрессивных технических, технологических и организационных решений. При этом какая-либо суровая неизбежная ответственность как при Сталине, уже не грозила.

Хрущёвская так называемая оттепель имела не только благие последствия. Да, в обществе постепенно стал исчезать страх, прикусили языки доносчики и клеветники, народ стал более раскрепощённым. Но вместе с этим у многих людей проявилось чувство вседозволенности. Стала заметно падать трудовая дисциплина. Страх исчез, а личная ответственность не появилась.

Не забудем и такой момент. Сталинский каток политических расправ прокатился по жизням и судьбам миллионов людей. Родственники репрессированных, прежде всего тех, кто пребывал во власти, в её верхнем эшелоне, затаили фигу в кармане. Кто-то уехал за границу, но многие остались в СССР, занимали немаленькие должности в управленческих, плановых структурах, культуре, образовании.

Обида за прошлое глодала их. Не все же они были, как Полина Жемчужина (урожденная Перл Соломоновна Карповская, жена Вячеслава Молотова), которая отсидела пять лет

по обвинению в преступных связях с еврейскими националистами и тем не менее осталась до конца жизни верной, убеждённой сталинистской. А вот озлобленные потомки репрессированных представителей партийно-советской элиты во весь голос проявили себя уже при Горбачеве и, заняв управленческие высоты в ельцинском правительстве, в СМИ повели разрушительную работу против социалистической государственности.

Работа в целинном крае усилила мое критическое восприятие жизни. Меня поражал и возмущал неустроенный быт первоцелинников, отсутствие элементарных удобств. Дома, в которых жили сельские люди, были либо саманные, либо щитовые, насквозь продуваемые степными ветрами. Воду пили из реки Ишим. Общественных бань не было. Более-менее сносные дороги были только к элеваторам.

Районный городок Державинск больше напоминал забытую Богом деревню, чем административной центр. Жители свой досуг проводили в основном за стаканом самогона. Это пойло гнали едва ли не в каждом доме из зерна, украденного с поля. Самогоноварение было доходным и в общем-то безопасным делом. Из соседнего воинского городка приходили солдаты и офицеры, покупали самогон или обменивали на него армейское снаряжение.

Вот такая была «светлая жизнь». Почему так происходит? — задавался я этим вопросом. Что заставляет людей так жить? Зачем вместо того, чтобы нормально работать, те же

водители машин занимались несусветными приписками? И почему люди, которые это творят, сами же это и осуждают? Неужели, думал я, мы не доросли ещё до социализма? Неужели, чтобы оценить достоинства и неизбежность социалистического мироустройства, нужно вернуться на столетие назад и пройти все девять кругов капиталистического ада?

Подобные мысли всё чаще одолевали, видимо, не только меня. При этом некоторые из моих знакомых безапелляционно считали, что социализм — это тупик, он не поддается реформированию. Такие настроения в конце восьмидесятых годов стали в открытую насаждаться через либеральные сми. И как подкрепление этих взглядов в советской экономике стали происходить невероятные явления. То стали массово исчезать из торговли предметы первой необходимости. То вдруг разом закрылись в стране на ремонт табачные фабрики и миллионы курильщиков готовы были выйти на улицы с протестом. Из магазинов стали исчезать привычные продукты. И в то же время на окраинах Москвы в железнодорожных отстойниках обнаруживались целые составы с этими же продуктами. Абсурд нарастал, но за этим абсурдом угадывались умелые регулировщики.

XXX

Весной 1968 года меня призвали на флот нести срочную службу. Целинная глушь стала меня угнетать, хотелось вы-

рваться из этого круга, и повестку из военкомата я воспринял чуть ли не с воодушевлением. И другие призывники, с которыми я познакомился на сборном пункте в Целинограде, предстоящую службу рассматривали как романтическое путешествие в неизведанное.

Это потом, много лет спустя, молодежь, напуганная рассказами о дедовщине, стала пачками уклоняться от призыва. Страх перед армейской службой подогревался постоянными публикациями о развале Советской армии, о её боевой немощи, о различных злоупотреблениях со стороны офицерского и генеральского состава. Это был ещё один клин, который вбивался в тело советского государства. О том, как проходила моя служба на флоте, я не стану рассказывать в детальных подробностях. Воспроизведу лишь свою публикацию в 2023 году в электронной газете «Петербургский публицист». Она называется «Крейсер моей юности» и, как мне кажется, достаточно точно передаёт моё настроение того времени.

... Июнь 1971 года. Моряков-дембелей собрали в один эшелон и состав под марш «Прощание славянки», медленно огибая Южную бухту Севастополя, направился в Симферополь и далее – на Харьков, где нам предстояло пересесть каждому на свой поезд.

Два чувства боролись тогда в моей душе. С одной стороны, было радостно от предстоящей встречи с родными, грезились новые жизненные планы, новые горизонты судьбы. С другой стороны, расставание с Севастополем, с крейсером,

с флотскими друзьями-товарищами наводило грусть. И мне даже в голову не приходило, что спустя много-много лет, уже на склоне жизни, я снова поднимусь на палубу «Михаила Кутузова».

И это произошло! Во многом потому, что я сам к этому стремился, не полагаясь на волю случая, возобновлял связи со своими сослуживцами, наводил справки о самом крейсере, о его дальнейшей жизни. На сайте «Одноклассники» была создана группа «Крейсер Михаил Кутузов». Зарегистрировано почти триста человек. Через сайт я нашел своих знакомых по службе. Среди них – старшина первой статьи комендор Мирон Геленидзе.

Года три назад мы встретились с ним в Сухуми, где он жил... Увы, приходится говорить об этом в прошедшем времени. Год назад его не стало. Доконали болезни. Я помню его настойчивую просьбу ко мне. Не поленись, говорил Мирон, заверни в Новороссийск, там наш крейсер. И вот осенью прошлого года я поднялся на палубу «Михаила Кутузова». На удивление многое узнал сходу. Без труда нашел свой кубрик. А на камбузной палубе, как мне показалось, висел всё тот же огнетушитель.

Долгой была дорога к встрече с флотской юностью. В начале девяностых годов дошла до меня весть, что крейсер продают в Индию «на иголки», то есть на металл. Не удивился этому. В истории нашего флота бывали и не такие казусы. Как известно, Н.С. Хрущёв, будучи руководителем

страны, в оборонной стратегии делал ставку исключительно на ядерные силы в ущерб развитию других родов войск. И больше всего от этого пострадал военно-морской флот. В 1959 году были отправлены на слом сразу семь практически готовых, стоящих на стапелях крейсеров. А вскоре он распорядился безвозмездно передать Индонезии целую эскадру кораблей, состоящей из 12 подводных лодок, шести эсминцев, отряда сторожевиков и крейсера «Орджоникидзе».

Так что на фоне такой предыстории продажа крейсера «Михаил Кутузов» на иголки не выглядела, как сказали бы сейчас, фейком. Тем более, что уже были прецеденты и в новейшей истории нашей страны. Большие противолодочные авианесущие корабли «Москва» и «Ленинград» были разоружены и проданы, как устаревшие, на металл.

Неужели и «Михаила Кутузова» ожидала такая участь? Крейсер был устаревшей модификации и практически не подлежал модернизации. Наступало время конструктивно иных кораблей. Значит, на лом? Но в защиту крейсера подняли свой голос флотская общественность, ветераны флота, авторитетные офицеры, среди которых был и контр-адмирал Карл Иванович Жилин, являвшийся командиром «Кутузова» как раз в годы моей срочной службы.

И крейсер отстояли. В августе 2001 года он вошёл в состав [Новороссийской военно-морской базы](#). Разумеется, не в качестве боевой единицы, а как корабль-музей, чего, в принципе, и добивались ветераны флота. И действительно, «Ми-

хаил Кутузов» имел полное право стать музейным экспонатом-реликвией. Его судьба в полной мере отражает судьбы многих кораблей Черноморского флота. Построенный на Николаевском судостроительном заводе, корабль в 1955 году был зачислен в состав флота, и с этого момента началась его боевая, насыщенная разными событиями жизнь.

Наверное, мне повезло, что моя срочная служба в основном была связана с экипажем «Михаила Кутузова». После учебного отряда в Кронштадте меня направили на Черноморский флот. Два месяца служил на берегу под Феодосией. А поскольку во мне играла журналистская жилка, я написал несколько репортажей и зарисовок во флотскую газету «Флаг Родины». Там заинтересовались мною, через политуправление флота вызвали на стажировку в редакцию газеты, где в то время главным редактором был капитан первого ранга Георгий Афанасьевич Бутиков.

Помню, как меня, рядового матроса, завели в кабинет главного редактора. И он как-то осторожно, мягко, не покомандирски, спросил: а не хочу ли я попробовать свои силы во флотской печати? Так я оказался на некоторое время в кругу опытных журналистов флота. Моими опекунами стали Виктор Ткачёв, Александр Плотников, Анатолий Марета, Василий Потужний, Павел Башмаков, Александр Суворов...

Стажировка во «Флаге Родины», общение с мастерами военной журналистики стали для меня настоящим университетом. И когда вскоре меня направили на крейсер «Михаил

Кутузов» ответственным секретарем корабельной многотиражной газеты, я чувствовал себя вполне уверенно. Но при первой же встрече замполит корабля капитан третьего ранга Иван Гончар меня огорошил. Придется, сказал он, поработать и за редактора. Смотри, не подкачай! Оттиски приноси вовремя!

Оказывается, на крейсере долго не было редактора газеты. Предстоял поход в Средиземное море, к этому времени обещали прислать офицера-новобранца, а пока за редактора пришлось отдуваться мне, ещё толком не разобравшегося, что к чему.

Типографская команда, которую я принял, состояла из двух наборщиков и метранпажа-печатника. Типография размещалась в кормовой части крейсера в небольшом трюмном помещении, которую мы между собой называли шхерой. Спали в кубрике под шкафутной палубой, там же кормились, по очереди исполняя роль бачкового.

Типографская команда, надо признать, отнеслась ко мне настороженно. И наборщики, и печатник были уже старослужащими, им не нравилось, что подчиняться придется новичку-салаге. Потихоньку, не без стычек и перепалок, отношения наладились, и к выходу в Средиземное море на боевое дежурство мы стали, как говорится, единой семьей.

К моей радости на крейсер прислали наконец-то редактора. Радость оказалась двойной, когда высокий стройный лейтенант назвал своё имя – Михаил Крушинский. Фамилию

Крушинских я знал из газет. Это была известная в стране журналистская династия. Сергей Константинович Крушинский – военный корреспондент «Правды» и его сыновья Андрей и Михаил. Андрей как собкор «Комсомольской правды» изъездил всю юго-восточную Азию и Европу, делая репортажи и аналитические статьи из горячих точек.

Михаил после журфака МГУ начал свою карьеру корреспондентом ТАСС в Бухаресте. Вскоре по новому закону призвался на флот офицером и был распределен редактором многотиражки на крейсер «Михаил Кутузов». Наши отношения продолжились и на гражданке. Михаил Сергеевич по окончании срочной службы вернулся в Москву, работал в газетах «Комсомольская правда», «Советская Россия». И когда он летал в командировки на север страны, всегда останавливался у меня в Новосибирске, где я был собкором той же «Советской России».

...В Севастополе наш крейсер стоял в Южной бухте на бочках, на которых когда-то стоял и линкор «Новороссийск», трагически погибший в октябре 1955 года от внешнего взрыва. В спасении линкора участвовали и моряки с крейсера «Кутузов». Будущий командир крейсера Карл Иванович Жилин служил в это время на линкоре командиром одной из артиллерийских батарей. Он подробно описал в своих воспоминаниях ту роковую ночь, в деталях показал, как экипаж боролся за живучесть корабля до последней минуты... Спустя годы Карл Иванович был назначен команди-

ром «Михаила Кутузова».

К.И. Жилина на крейсере уважали и любили. Лично на меня он производил впечатление мужественного, немного загадочного благородного героя. Высокий ростом, стройный, с тонким породистым профилем. Когда на крейсер по праздникам приезжали концертные бригады, то, казалось, все женщины-артистки смотрят только на нашего командира.

Он был, несмотря на внешнюю приветливость, строгим командиром. И не просто строгим, а фанатично требовательным, при этом никогда не раздражался и не повышал голоса. Подготовка к боевой службе в Средиземном море и последующему участию в крупномасштабных учениях «Океан» занимала все его мысли, и он эти мысли внушал всему экипажу. Каждодневная учеба, постоянные учебно-боевые тревоги не давали расслабляться. Тревоги объявлялись и ночью, и ранним утром, и во время обеда, и во время большой приборки.

Жилин думал и действовал по-суворовски: тяжело в учении, легко в бою. И эта командирская установка стала ведущим мотивом каждого выпуска многотиражной газеты. Конечно, нам хотелось как можно больше рассказывать не только о корабельных буднях. Мы завели в газете литературный уголок, придумали рубрики «Письма с Родины» и «Свидания с Родиной». Иногда публиковали адреса девушек, желающих познакомиться с нашими моряками. Стали думать

над сатирическим разделом газеты. Но замполит Иван Гончар остудил нас: а над кем собираетесь смеяться? Нет уж, давайте лучше больше стихов.

И тогда мы выдали очередной номер газеты исключительно в стихах. Огромный репортаж о действиях экипажа по боевой тревоге был сносно зарифмован с сохранением подлинных фамилий матросов, старшин и офицеров. После этого нас в шутку стали называть корабельными Гомерами.

Для нашего крейсера и других кораблей Черноморского, Северного и Балтийских флотов Средиземное море в шестидесятые годы стало хорошо обжитой акваторией. Это раздражало шестой флот США и их союзников по блоку НАТО. Уже на Босфоре нас демонстративно встречали турецкие военные катера, сканируя фото- и кинокамерами каждый квадратный метр нашего корабля.

Проливы мы проходили в режиме боевой тревоги. И уже в Средиземном море чуть-чуть расслаблялись, хотя корабли НАТО постоянно находились в зоне радиолокационной и зачастую визуальной видимости. Нередко бывало, что мы паслись прямо под боком авианосной группы шестого флота США. В этих случаях над нами сразу же зависали чужие вертолеты или барражировали разведывательные и наблюдательные самолеты.

Зачем мы были в Средиземном море? Наши корабельные отцы-командиры объясняли незатейливо: а затем, чтобы защитить Отечество на дальних подступах к нему. В этом про-

пагандистском штампе был большой реальный смысл. Средиземное море, замыкающее на себе три континента, стало в пятидесятые и шестидесятые годы средоточием военных конфликтов. Беспокойство в этом стратегическом регионе усиливалось присутствием в нем шестого флота США. После окончания второй мировой войны американцы отказались выводить свои боевые корабли из Средиземного моря, зацепились за него, создав там специальную эскадру, состоящую как минимум из одной авианосной группы и подводных лодок. А на подхвате у них были корабли Италии, Франции, Греции и Турции.

СССР не мог оставаться безучастным в такой взрывоопасной обстановке. В 1967 году была создана Средиземноморская эскадра, в которой флагманом, когда он выходил на боевую службу, назначался крейсер «Михаил Кутузов». Средиземноморские походы были довольно продолжительными и имели конкретную цель – не спускать глаз с кораблей НАТО. Особенно с авианосной группы. В случае боевого столкновения наша задача была сложна и смертельна – залпами главного орудийного калибра взломать взлётную палубу авианосца, не дать ему поднять в небо целую дивизию самолетов. Нечего и говорить, что многочисленный эскорт авианосца в те же минуты потопил бы и нас. Но о такой роли камикадзе мы даже не думали.

Несмотря на изматывающую напряжённость, обе стороны сохраняли благоразумие. И когда наш крейсер или дру-

гие корабли эскадры бросали якоря на рейдах сирийских или египетских городов, боевые действия между арабами и израильтянами на это время затухали. Во всяком случае авиационные налеты со стороны Израиля прекращались. Так что только одно присутствие советских боевых кораблей у африканского и малоазийского побережья сдерживало агрессию.

Египтяне и сирийцы, понятное дело относились к советским морякам с большой симпатией. Когда случались увольнения на берег, там нас ожидали толпы любопытных приветливых людей. Чаще всего «Михаил Кутузов» швартовался в сирийских портах Латакия и Тартус, где находился пункт материально-технического обеспечения Средиземноморской эскадры. Нам удавалось даже отдохнуть на берегу, побродить по рынкам, искупаться на местном пляже.

Однажды в Египте на внешнем рейде Александрии произошел очень неприятный, можно сказать, трагический эпизод, о котором, конечно же, в СМИ в ту пору не рассказывалось. Один из адмиралов Арабской Республики Египет решил нанести визит на наш крейсер. Неудачный был выбран час. Дул свежак. Ходили волны. Приближаться к крейсеру на торпедном катере было опасно. Вахтенный офицер выкрикивал в мегафон одно предупреждение, другое... Но катер лихо подвалил к трапу. И в тот момент, когда адмирал попытался перескочить на трап, набежавшая волна подняла и резко накренила катер, припечатав человека к бронированному борту. Очевидно, этот несчастный случай обсуждался

на военном и дипломатическом уровне, но на дружеские отношения с Египтом он не повлиял.

В 1970 году состоялись самые крупные в истории советского ВМФ учения «Океан». В нем приняли участие корабли и морская авиация всех четырех флотов. И зона учений охватывала почти весь земной шарик. Мне не известно, какая роль в этих манёврах была отведена нашему крейсеру. Но нам пришлось, по плану учения, выйти из Средиземного моря в Атлантический океан и пройти до экваториальной части побережья Африки.

По итогам учений «Михаил Кутузов» был признан лучшим кораблём Черноморского флота. Многие моряки были удостоены государственных наград. Мне тогда тоже вручили медаль «За воинскую доблесть». Наш командир Карл Иванович Жилин досрочно получил звание капитана первого ранга и переведен на должность командира крейсера «Адмирал Ушаков». Вот как пишет об этом в своих воспоминаниях Карл Иванович Жилин.

«В январе 1971 года командующий флотом вызвал меня к себе на совещание и объявил, что принято решение вывести из консервации крейсер «Адмирал Ушаков». Возглавить это мероприятие придется мне и, как выразился адмирал Сысоев, «вдохнуть в него кутузовский дух»». На что я ответил, что готов перейти на «Адм. Ушаков» с кутузовским экипажем. Командующий согласился и разрешил взять с собой на крейсер «Адмирал Ушаков» часть необходимых лю-

дей с крейсера” Кутузов”».

Тем временем сам «Михаил Кутузов» был направлен на плановый капитальный ремонт. Часть экипажа осталась для обеспечения ремонтных работ в доке. Меня же откомандировали на крейсер «Феликс Дзержинский», который готовился к атлантическому походу с последующим дружеским визитом во французский порт Гавр.

Служба на флоте прошла для меня, прямо скажем, в идеальных условиях. Правда, в Кронштадте, в учебном отряде, была изнурительная муштра. Но я перенес её легко, тем более, что меня грела мысль, что начинаю свою службу не где-нибудь в тьмутаракане, а в легендарном Кронштадте. В этом городе-крепости меня ожидали и приятные сюрпризы.

В один из воскресных дней нас, бритоголовых матросов, повели на спектакль гастролировавшего в Кронштадте Ярославского театра имени Волкова. Ставили комедию Лопе Де Вега «Дурочка». Просматривая программку, увидел фамилию своего земляка Анатолия Баукова, который был старше меня лет на шесть и с которым я был хорошо знаком. Мы, сельские подростки, с удовольствием были на побегушках у будущего артиста Анатолия Баукова, приезжавшего на летние студенческие каникулы из ГИТИСа.

И вдруг такая встреча! Я застал его в гримёрке как раз перед началом спектакля. Он совершенно искренне обрадовался моему появлению, и мы изъяснились сплошными радост-

ными междометиями. К несчастью, актерская карьера талантливого земляка продолжалась недолго. Как мне потом, через тридцать лет, рассказал народный артист РФ Алексей Дуров, служивший вместе с Бауковым в Ярославском театре, Анатолий в начале семидесятых годов трагически погиб в какой-то загадочной бытовой истории.

А второй сюрприз преподнесли мои родные люди. Моя мама Ефросинья Тимофеевна и старшая сестра Лидия вместе со своим четырехлетним сыночком неожиданно-негаданно нагрянули в Кронштадт, чтобы повидать меня. В то время Кронштадт был закрытым городом, гражданскую публику не пускали. И когда замполит учебной роты капитан-лейтенант Н. недовольно сообщил мне о приезде матери и сестры, я не поверил, пока мне не выписали увольнительную. Видимо, тот же замполит, хоть и рассерженный был, похлопотал о нашем свидании на пару часов.

Три годы флотской службы прошли для меня незаметно и главное – в удовольствие! И когда пришла пора «сушить весла», то есть уходить на гражданку, мне было предложено остаться на сверхсрочную с присвоением звания младшего лейтенанта. Но я переборол соблазн и решил поступать на факультет журналистики.

XXX

В Свердловск (ныне Екатеринбург) я заявился как дем-

бель для поступления в Уральский госуниверситет не в военной форме, как обычно это делали абитуриенты, прошедшие армейскую службу, а в гражданском костюме, как бы подчеркивая, что не нуждаюсь ни в каком снисхождении на приёмных экзаменах.

Вообще самомнения в то время у меня хватало. На других абитуриентов я смотрел снисходительно. Ведь у меня за спиной было больше трех лет низовой журналистской работы (полтора года в районной газете и два года в крейсерской многотиражке). И это, как я тогда легкомысленно думал, давало мне право старшинства.

Но таких ухарей, как я, набралось среди абитуриентов, наверное, с десятков. Помню, выделялись Анатолий Джапаков, Саша Пашков, Коля Кузьмин, Михаил Чирков, Юрий Ермаков, Коля Володарский (он пришёл на экзамены в солдатской форме) и другие парни, считавшие себя едва ли уже не студентами. И напрасно! На экзаменах срезали безжалостно, если видели слабые знания, и никакие рекомендации не могли помочь.

Наверное, были и блатные. Но они так были законспирированы, что мы даже не догадывались, кто же идёт по протекции. Уже после экзаменов на первом курсе у нас объявился Сергей Курочкин – сын художественного руководителя Свердловского театра музыкальной комедии, народного артиста СССР, профессора Свердловской консерватории Владимира Акимовича Курочкина.

Сергей был тих, незаметен, я бы даже сказал, очень скромный. Он мало с кем общался и старался обходить стороной наших девиц, видевших в нём выгодного жениха. Мне по поручению преподавателя пришлось в неурочное время натаскивать Сергея по немецкому языку. Вскоре он взял академический отпуск и потерялся из виду.

Я не фаталист, не сторонник каких-то мистических штук, но на вступительных экзаменах встретил семнадцатилетнюю девушку, живописное изображение которой ещё во время службы на флоте вырезал из журнала и наклеил на обложку самоучителя по немецкому языку. И подписал: Meine Ehfrau (моя супруга). И вот эту Ehfrau, один к одному, будто она сошла с той картинки, вижу вдруг у дверей аудитории, где шли вступительные экзамены по истории. Через год мы с Еленой поженились. Была Никитиной стала Сенчевой. И нашему браку уже более 50 лет.

Студенческая жизнь в советское время не была нищей, как пытаются изобразить иные мемуаристы. Стипендия, если у тебя не было двоек, равнялась сорока двум рублям при средней зарплате по стране в 120 рублей. Если сдавал сессионные экзамены на пятёрки, то мог рассчитывать на стипендию в 60 рублей. У нас с Еленой такая стипендия была, потом скатились на обычную.

На 42 рубля трудно было, конечно, прожить. Но, если ты не бездельник, то мог ещё и приработать. Многие так и делали. Я наострился писать в местные газеты, где платили

приличные гонорары. Дополнительно к стипендии имел ещё не менее полста рублей в месяц. Сокурсники тоже не дремали. Ольга Васильева, например, после второго курса укатила на летние каникулы на остров Шикотан, где работала на рыбзаводе. Труд адский. Зато получила хорошие деньги на дальнейшее студенческое житьё-бытьё.

Свердловск в семидесятые годы, как город первой категории, пользовался особым положением. Во всяком случае продовольствием и товарами ширпотреба он снабжался стабильно. Помню, зашли как-то в универсам на улице Куйбышева. Мать честная, чего только там не было! В рыбном отделе – свежемороженые палтус, камбала, престипома, бельдюга, морской окунь и разные морепродукты, названия которых и не выговоришь. В гастрономическом отделе мы всегда покупали языковую колбасу и прочие мясные вкусности.

И если мы, студенты, могли покупать это, считающееся нынче деликатесом, то, наверное, для работяг хорошо отовариться тем более не было проблемой. На большинстве промышленных и строительных предприятий работали столы заказов. А многие заводы имели свои подсобные хозяйства, откуда мясо, молоко, овощи поступали к столу рабочих. Рассказываю об этом только потому, что позже, в девяностые и последующие годы из всех рупоров сми внушалась мысль, что при Советах был едва ли не голод. Вранье несусветное! И это несусветное вранье исторглось однажды их державных уст самого главного чиновника в стране, который, не морг-

нув глазом, публично заявил, что в Советском Союзе, кроме резиновых калош, ничего не производили.

Да, был дефицит некоторых продовольственных продуктов. Красную икру, к примеру, так просто не купишь. Не лежали на полках сыры, сливочное масло. Нелегко было купить в магазине мясо. За этим нужно было идти на рынок. Причем на рынок многие продукты перекачевывали с государственных оптовых баз и магазинных подсобок. Уж в чём-чём, а в этом-то работники торговли хорошо поднаторели.

И все-таки продуктовая проблема не была такой кричащей. Не случайно же в восьмидесятые годы зародилось известное выражение: социализм – это когда в магазинах пусто, а в холодильниках густо. Да, это парадокс. И породила этот парадокс негодная система потребительского распределения, негибкое ценообразование и такое же негибкое, а порою просто идиотское, дуболомное планирование.

К примеру, складные зонтики были в дефиците почти везде, а в северных регионах ими были завалена вся торговая сеть. Зимние женские шубки можно было без труда купить в Ташкенте, Бухаре, Самарканде, а на Урале, в Сибири их днём с огнём не найдёшь. Вот яркий штрих. В центре болгарского города Варна был книжный магазин, носящий имя Маяковского. Туристы из Союза вывозили оттуда подчистую книги, которые в самом Союзе невозможно было купить. Или вот такая деталь. В одной из журналистских командировок зашёл в универмаг степного районного центра Тальмен-

ка Алтайского края. Весь торговый зал был увешен импортными новомодными куртками «Аляска». А местным жителям такие куртки до лампочки, они спрашивали, когда фуфайки завезут. В селе фуфайки и кирзовый сапоги были в дефиците. Что же это за политика такая была!

В студенческую пору лично я пока не задавался подобными вопросами. Восприятие жизни было на уровне спонтанных эмоций, а не серьезных, подкреплённых знаниями, размышлений. Преподавали нам, надо сказать, хорошо. Особенно выделялся Владимир Александрович Чичиланов, журналист, прошедший школу собкора в «Учительской газете» и секретарскую работу в «Уральском рабочем». На кафедре теории и практики печати он был, пожалуй, самой авторитетной и влиятельной фигурой. Студенты его панически боялись. За технику газеты (он преподавал именно этот непростой предмет) Владимир Александрович спрашивал, как говорится, по полной. И всегда добивался, чтобы студент обязательно освоил науку газетной вёрстки, планирования номера, разбирался в технологической цепочке от журналистского блокнота до печатного цеха.

Ко мне Чичиланов относился по-другому, чем к моим однокурсникам. Возможно потому, что признавал мой микроскопический опыт работы в газете до поступления на журфак. Он же стал руководителем моей практической дипломной работы и оценил её на «отлично». И как я понял однажды, он продолжал следить, как я проявляю себя в должно-

сти разъездного корреспондента в газете «Уральский рабочий».

После моей очередной публикации он позвонил и сказал, что напрасно в статье я дал негативную оценку человеку, прошедшему войну с фашисткой Германией от первого до последнего дня. Суть в чем. В одной неблагополучной сельской семье во время родительской попойки кипятком обварился ребёнок. Пьяная мать бросилась за помощью к односельчанам, чтобы доставить мальчика в районную больницу. Один мужик отказался, другой. Уж очень опостылела всем эта пьяная семейка. Отказался и фронтовик...

Для меня этот факт показался особенно выигрышным. И я стал «раскручивать мораль» вокруг этого эпизода. Статья получилась вроде бы звонкой. Но... с изъясном. Мне нужно было бы понять причины такой бесчеловечной реакции сельчан, а я ушел в морализаторство, стал стыдить и воспитывать людей, за спинами которых такая сложная противоречивая жизнь. Досталось и фронтовику. Он, дважды горевший в танке, вытащивший на себе товарища с поля боя, в этой ситуации проявил почему-то необъяснимую отстранённость. Вот в этом и надо было бы разобраться, не называя, возможно, фамилии человека.

Чичиланов, прочитав эту статью, сразу увидел её слабость и неделикатность в трактовке фактов и прямо сказал мне об этом. Его правоту я принял не сразу и только спустя годы, я признал, как глубоко он чувствовал и понимал слово.

В семидесятые годы на журфаке УрГУ состав преподавателей был, как сказали бы сейчас, премиальным. На лекциях Людмилы Михайловны Майдановой студенты замирали от внимания и удовольствия. Она преподносила русский язык так, как будто мы открывали для себя досель неведомый, но долгожданный мир, а для подкрепления своих теоретических высказываний по стилистике языка использовала тексты из «Мастера и Маргариты» Булгакова.

Любимцем всего факультета был Валерий Маркович Паверман. История зарубежной литературы в его лекциях воспринималась нами как галерея потрясающих литературных образов. Валерий Маркович был нами любим ещё и за то, что он никогда никому на экзаменах не ставил «неуд». И не обращал внимания на шпаргалки. Наоборот, он поощрял использование шпаргалок, считая, что студент, заготовивший «шпоры», уже поэтому кое-что знает и заслуживает положительной оценки.

С Валерием Марковичем мы продолжали общаться и после окончания университета. Иногда после лекций он заходил в редакцию «Уральского рабочего», мы наскоро накрывали в укромном уголке столик и под рюмку чая он рассказывал еврейские анекдоты. С виду веселый, неунывающий, он иногда впадал в мимолётную грусть и говорил: вот обзаведусь дачей и с этим (он показывал на бутылку) поаккуратнее буду.

Разумеется, что профильным предметом у нас была тео-

рия и практика партийной и советской печати. Преподавала нам эту мудрость (говорю об этом без всякой иронии) Любовь Ивановна К. Она же у нас вела спецкурс «Редакторская деятельность В.И.Ленина» и спецсеминар «Вопросы социалистического соревнования и печать».

Не знаю, она сама глубоко ли вникала в то, что пыталась до нас донести. Все её теоретические мысли блуждали вокруг знаменитой ленинской формулировки: газета – не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор. И эта ленинская мысль в разных вариациях нудно, с ударной интонацией повторялась из лекции в лекцию без соотнесения с историческим контекстом, без дополнительного разъяснения, что функции печати расширяются и изменяются по мере развития самого общества и самой государственной системы.

Не удивительно, что многие мои сокурсники старались увильнуть от таких лекций, а если застревали в аудитории, то дремали или перебрасывались записочками. Курс был неровный. Если Александр Пашков, Юрий Ермаков, Сергей Рыков, Анатолий Джапаков, Михаил Чирков, Любовь Шаршавова, Лев Селезнев, Геннадий Чугаев и ещё несколько человек заметно выделялись своей энергичностью, всевозможными инициативами, то другие, как мышки, были тихи и незаметны.

Были и такие, которые вели себя отчужденно: общение с курсом воспринимали как вынужденное и временное. Кста-

ти, о них и память не сохранилась, да и они в своей памяти не оставили места студенческим годам. Одна из наших сокурсниц, которую хотели пригласить на встречу выпускников, холодно, если не зло, отчеканила: «Забудьте мой телефон. То, что я с вами училась, это еще не повод для продолжения знакомства».

Спустя годы, я пытался отследить судьбы моих однокурсников. Многие из них журналистами так и не стали. Нашли применение своим талантам в других сферах. Но почти все парни и девушки, которые считались костяком курса, неплохо проявили себя в газетах, на радио, телевидении и в пиар-агентствах. Не касаюсь их политических убеждений и нравственных принципов. Но как профессионалы, овладевшие ремеслом журналистики, они, конечно же, состоялись.

Продолжаю разговор о наших преподавателях. Были среди них подлинные педагоги, которые стремились разбудить в нас желание осмысливать жизнь и ничего не воспринимать на веру. Конечно, они не были с диссидентским уклоном, но не боялись привить нам критический взгляд на происходящее.

Историю русской литературы нам читал Иван Иванович Грибушин. Как раз в это время был лишен гражданства и выслан из страны Александр Солженицын. В СМИ с подачи ТАСС об этом было сказано очень скупо. А публичные разговоры вокруг его имени если велись, то, разумеется, с осуждением его личности.

Моё знакомство с творчеством этого писателя ограничивалось повестью «Один день Ивана Денисовича» и рассказом «Матренин двор». И когда в своей лекции Иван Иванович Грибушин вдруг повел речь о книгах Солженицына, появившихся за рубежом (к тому времени на западе вышли только два его романа «Красное колесо» и «В круге первом») я сразу навострил уши: что же он скажет?

Ничего плохого, ничего осуждающего не сказал. Но отметил только то, в чём я сам, по своему восприятию, убедился только спустя годы. Солженицын, заявил наш преподаватель, слабый писатель, стиль изложения громоздкий, язык утяжелён вычурными неологизмами, чувствуется претензия на оригинальность, что лишает повествование естественности и простоты.

Меня, честно скажу, это обескуражило. Не раз перечитывал «Ивана Денисовича». Повесть как раз покоряла образным и лаконичным языком. Не говорю уже о том, что она вскрыла гигантский пласт жизни людей за колючей проволокой в годы сталинских репрессий. Почему же последующие произведения Солженицына страдали слабой литературной техникой и отсутствием авторского своеобразия? По каким же книгам судить о нем как о художнике?

Мне думается, что к литературной отделке «Одного дня Ивана Денисовича» приложили руки опытные редакторы журнала «Новый мир». И в первую очередь Александр Трифонович Твардовский. Нигде напрямую об этом не гово-

рится. Упоминается лишь то, что с текстом пришлось поворозиться, чтобы не цеплялась цензура. И так вышло, что повесть «Один день Ивана Денисовича», пожалуй, единственное у Солженицына художественное произведение с яркими литературными достоинствами. Остальные книги автора (и прежде всего «Архипелаг Гулаг» – это скорее гибрид разных жанров, не лишенных какой-то документальной основы под соусом беллетристики.

Сам Солженицын назвал свой объёмный труд о Гулаге «опытом художественного исследования», тем самым как бы заранее оправдывая себя в неточностях, непроверенных фактах, проще говоря, во вранье.

Жизнь Гулага, в котором перемалывались судьбы многих и многих людей не была монопольным предметом документального и художественного исследования только одного Солженицына. О лагерях писали Евгения Гинзбург (мать Василия Аксёнова), Варлам Шаламов, Олег Волков, Георгий Жженов, Ефросиния Керсновская, Борис Ширяев, Лев Разгон, Василий Ажаев, Зара Веселая (дочь писателя Артема Весёлого) . Причем их произведения отличаются не только высоким литературным качеством, но и точностью в отображении тюремной и лагерной жизни.

Почему же тогда именно Солженицын признан едва ли не единственным лагерным Пименом? Ведь с этого признания и началось его восхождение к образу «совести нации». Начнем с того, что Н.С. Хрущёв произвёл своего рода рукополо-

жение, дав добро на публикацию повести «Один день Ивана Денисовича». Это был, конечно же, политический акт, а не оценка повести как литературного явления. Слово верховного руководителя страны вызвало, как у нас водится, шквал одобрения и восхваления. А потом, когда Солженицын, в открытую вступил на тропу антисоветизма, начался такой же шквал осуждения и развенчивания. С уничтожением СССР оценка Солженицына опять сменилась с минуса на большой плюс.

Думается, Александр Исаевич трезво оценивал свое литературное дарование, и он понимал, что остаться на пике общественного мирового внимания ему позволит только скандальность. И он умело бузил. Клеветнический миф о том, что Шолохов не является автором великого «Тихого Дона» именно Солженицын раскручивал с бешеной энергией. Потом с такой же энергией, уже на Западе, стал призывать к крестовому походу против страны Советов. Позже ему стали приписывать призыв к атомной бомбардировке СССР. Солженицын, въехав в ельцинскую Россию на белом коне, естественно, стал отрицать приписываемые ему слова, якобы выдернутые из контекста.

Мое интуитивное недоверие к этой личности усилилось и получило разумное объяснение после знакомства с критическими произведениями писателя, фронтовика Владимира Бушина. Его книга «Гений первого плевка» разбирает жизнь, творчество и политическую деятельность Солжени-

цына по косточкам. В свое время Владимир Сергеевич Бушин (уже признанный литературный критик) в воронежском литературном журнале «Подъем» отозвался добрым словом о повести «Один день Ивана Денисовича». Между автором повести и критиком на первых порах возникла теплая творческая переписка, что, впрочем, позднее не помешало Александру Исаевичу не вспомнить, кто такой Бушин вообще...

...Вот так под впечатлением от лекции преподавателя УрГУ И.И. Грибушина у меня возник устойчивый интерес к личности Солженицына, к его творчеству и его судьбе. И это как раз в тот момент, когда писатель подвергся не только гонению от брежневской власти, но и беспощадному общественному остракизму. А потом – снова вознесение чуть ли не к пророческой личности. Но ведь верно говорят: только время расставляет всё на свои места. Пройдет много лет, чтобы сами люди разобрались, кто есть кто.

В Кисловодске недалеко от железнодорожного вокзала стоит памятник Александру Солженицыну работы Зураба Церетели. Памятник, на мой взгляд, весьма странен. Апостольская фигура, бронзовая сутана до пят и воздетые вверх руки с неестественно длинными пальцами-щупальцами. Вот и гадай: какую идею вложил Церетели в этот памятник?

Кисловодск в любое время года запружен людьми. Отдыхающие, туристы, гости города толпами осаждают дачу Шаляпина, музей-усадьбу художника Ярошенко, дворец, где укрывалась от революционных бурь Матильда Кшесинская.

Много в этом замечательном городке паломнических мест. Только один памятник обходят вниманием люди — это памятник Александру Исаевичу. Конечно, дежурные экскурсии бывают и к нему. Но не более...

XXX

Студенческая жизнь на дневном отделении текла для меня лениво и однообразно. Учеба не доставляла больших хлопот. И когда в 1975 году родился сын Павел, я решил перейти на постоянную работу в областную газету «Уральский рабочий», где меня уже знали. В ту пору это была, пожалуй, самая крупная и самая авторитетная из областных, краевых и республиканских газет страны. Её подписной тираж достигал вместе с розницей почти семисот тысяч экземпляров. Нечего и говорить, как я мечтал попасть именно в такую газету, где работали настоящие асы журналистского дела. Но моё знакомство с «Уральским рабочим» произошло ещё раньше, причём при забавных обстоятельствах.

Это было весной 1972 года. В ожидании вступительных экзаменов на факультет журналистики, я подрабатывал слесарем на прокладке загородного газопровода. Бригада состояла из очень колоритных мужиков, и очерк о них сам просился в газету. С жизнеописанием этого коллектива в мартовский субботний денёчек я отправился в редакцию «Уральского рабочего». Там, на одном из этажей, меня пе-

рехватил то ли бдительный вахтер, то ли такой же бдительный корректор, вышедший на перекур. Пока мы объяснялись, куда, зачем и к кому, в коридорном просвете нарисовалась ещё одна фигура. Развалистой боцманской походкой подошёл к нам коренастый широколобый человек и спросил: что за шум, а денег нет? Выслушав меня, он коротко сказал: это ко мне!

Так я оказался в кабинете заведующего промышленным отделом редакции Николая Петровича Широкова. Он начал читать мою тетрадку совершенно с равнодушным видом. Один раз взял перерыв в чтении, подошел к шкафчику, что-то там выпил и похрустел кусочком сахара. Закончив изучать мой труд, хозяин кабинета откинулся на спинку стула и строго сказал: всё ясно, берем тебя собкором.

От неожиданности я чуть не задохнулся. Покашляв, переспросил: каким собкором? Николай Петрович подошел к висящей на стене карте Свердловской области, властно скрестив за спиной руки. В такой позе он стал похож на командующего фронтом.

– А вот мы тебя куда кинем, – он ткнул пальцем в карту, – Краснотурьинск, Серов... Ну, и так далее.

Мне это показалось какой-то дикой фантазией. И тут я заметил, что Николай Петрович находится в таком приподнятом настроении, когда на тебя работает вся ликероводочная промышленность. Не давая опомниться, Широков деловито осведомился: документы в порядке?

– Так ведь я ещё даже не студент, Николай Петрович!

– Нам не дипломы нужны, а пишущие люди, хорошие перья, – урезонил он меня.

Безумно польщенный, но одновременно сохраняя рассудок, я робко заметил, что у меня нет опыта работы в таких солидных газетах.

– Обучим, натаскаем!

– Но мне и жить пока негде.

– В общежитие устроим!

И тут я вспомнил.

– Николай Петрович, ничего не выйдет. Собкор должен обязательно состоять в партии. А я пока лишь комсомолец...

Широков нахмурился, долго пережевывал мою реплику, снова что-то выпил, закусив сахарком, и со вздохом сказал:

– Да-а, а вот здесь я ничего не могу сделать. Обстоятельство непреодолимой силы... Ладно! В среду читай свой очерк на второй странице.

Точно в среду аккурат на второй полосе «Уральского рабочего» вышел мой очерк под заголовком «Один день бригады». И вот через несколько лет я был принят в редакцию на должность корреспондента отдела писем. Каждый раз, встречая меня в редакционном коридоре, Николай Петрович Широков поднимал вверх указательный палец, словно напоминая: не забывай, чей ты крестник.

Работа в газете «Уральский рабочий» в моей биографии, как я думаю, была самым главным журналистским универси-

тетом и жизненной школой. В отделе писем, куда меня определило руководство редакции, дел было невпроворот. Ежедневно на стол регистраторов почты вываливалось до пятидесяти писем от читателей газеты. Дежурный корреспондент должен был каждое письмо прочитать и определить, куда его направить. Как правило, жалобы, просьбы, какие-либо критические сигналы мы переадресовывали в соответствующие инстанции – в областные отраслевые управления, райкомы партии, райисполкомы, органы милиции, прокуратуру. Письма, которые представляли интерес уже для самой газеты, направлялись непосредственно в отделы редакции.

К концу дня от этой почты голова шла кругом. Единственная отрада – это возможность «зажилить» для себя какое-нибудь интересное письмо для командировки. Особенно острый нюх на такие письма был у Риммы Старковой (Печуркиной) – одной из лучших журналистских перьев редакции. В отдел писем часто заглядывал Борис Васильевич Воробьев. Из редакционной почты он умело выуживал факты для своих зубодробительных фельетонов, которыми зачитывалась вся область.

В минуты отдыха, обалдевшие от читки писем, мы часто рассуждали по поводу характера редакционной почты. Могу точно сказать, что в письмах никаких славословий в адрес партии и правительства не было. Люди в основном жаловались на безобразия, творящиеся на предприятиях, в городском хозяйстве, торговле, медицине, бытовом обслужи-

вании. В общем, типичный набор обращений трудящихся.

Большую часть почты занимали письма по жилищным вопросам. Вот образец, сохранившийся в моем архиве. «Уважаемая редакция, я слесарь-инструментальщик с двадцатилетним стажем. Стою в очереди на квартиру уже двенадцать лет. С начала постановки на очередь был пятидесятым в списке. А сейчас вдруг оказался на семьдесят первом месте. Это как же понимать?».

Помню, на это письмо, которое мы направили в заводоуправление и профком предприятия, пришел довольно убедительный ответ. Этот слесарь, оказывается, несколько раз появлялся в цехе пьяным, были прогулы. Вот его и наказали так, передвинув в очереди на квартиру.

Привел этот пример вовсе не для того, чтобы показать, что большинство писем были такие. Увы, почти в каждом конверте – крик отчаяния, боль обиды, униженное достоинство. Помнится, один из сотрудников редакции, хохмач по натуре, сказал: с мешком таких обличительных писем можно смело линять за бугор, примут с распростертыми объятиями и хорошо заплатят...

Разумеется, это было воспринято между нами, как неудачная шутка. Ведь за одно такое высказывание могли последовать крупные неприятности. Сотрудники местного управления КГБ изредка заглядывали в отдел, пересматривали вороха почты, что-то искали. А искали они вот что. В партийные и советские органы приходили и такие анонимные

письма, в которых содержались проклятия и угрозы в адрес власти или конкретной чиновничьей персоны. Почерк анонимщиков сверяли с почерком авторов таких писем в редакции газет. И ... находили совпадение. Ну, а дальше принимались против таких незадачливых анонимщиков профилактические меры в виде нравоучительных бесед и суровых предостережений.

Вообще с письмами в органы власти в те годы обращались не то что бережно, а с вынужденным вниманием. Едва ли не каждый год выходило совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о работе с письмами и обращениями трудящихся. Посыл всегда был такой: ни одно письмо, ни одна жалоба не должны остаться без внимания, а критические сигналы – без тщательной, всесторонней проверки. Но эти директивные постановления, коль они повторялись из года в год, многими чинушами и бюрократами воспринимались с прохладцей, если не тупо игнорировались. Иногда, правда, в назидание другим, кого-нибудь снимали с должности «за грубые упущения в работе с письмами». Но это в корне дело не меняло.

В горах редакционных писем, конечно, хотелось найти какой-нибудь позитив, что послужило бы поводом для хорошей корреспонденции или очерка. Однажды во время недельного дежурства по отделу мне попало письмо некой гражданки, представившейся гостем славной уральской столицы. Она с восторгом писала о таксисте, который не про-

сто незамедлительно остановился на взмах руки, а вызвался быть гидом во время поездки по городу. Заканчивалось это письмо такой фразой: при этом таксист отказался от чаевых, взял строго по счетчику, копейка в копейку!

Чтобы понять, как я обрадовался этому письму, напомню, что в позднем СССР таксисты были королями городских дорог. Остановить машину с зелёным огоньком было просто невозможно. А если вдруг улыбнётся удача, то водитель запрашивал три-четыре цены за поездку. Фельетонисты на эту тему исписали тонны бумаг, источили тысячи перьев. Но ничто не поколебало могущество таксисткой рати. А тут – такое письмо! И я жадно, стремительно заглотил крючок.

Очерк «Зеленый огонек светит всем» стал итогом двухдневного общения с моим героем. Публикация стала для таксиста судьбоносной в полном смысле этого слова. Через месяц его назначили бригадиром, спустя небольшое время – начальником контрольно-ревизионного отдела всего таксомоторного объединения. И вдруг выясняется, что автор того письма в редакцию – вовсе не гость нашего города, а близкая подруга таксиста. Короче говоря, ловко состряпали ему имидж с моей журналистской помощью.

Мне было стыдно признаться в этом в редакции. Я нашел другой способ исправить ошибку. Поехал в партком таксомоторного объединения. Секретарь парткома Куницын согласился со мной: да, история нехорошая. Она и нас, сказал он, касается, доверились хвalebной публикации не где-ни-

будь, а в главной партийной газете Свердловской области. Но не мучьте себя, успокоил он на прощание, мы этого хлюста потихоньку вернём на землю.

Чуть позже с этим секретарем парткома разговорились о том, что может в принципе изменить транспортное обслуживание горожан? Улучшить его, сделать доступным и комфортным. Собеседник после осторожного обмена мнениями осмелел и вдруг сказал: ничего не добьёмся, пока наряду с государственными транспортными предприятиями не создадим частные или кооперативные. Будет конкуренция, будут бегать за пассажирами, а не они за ними. Да и розничную торговлю, общепит, бытовое обслуживание тоже можно отдать в частные руки – продолжал развивать свою мысль собеседник. Социализм от этого не пострадает, а только выиграет. Спohватившись, секретарь парткома заметил: «это я в порядке дискуссии, наверху виднее, чем нам ...».

Этот разговор запал в мою память и душу. Подобные рассуждения я стал слышать и от других думающих людей. Это было время семидесятых годов, когда железобетонные лбы в руководстве страны догматично трактовали социалистические идеи, исключали любую гибкость в управлении экономикой, её многовариантность. Рассматривали это как ревизионизм, отступление от марксистско-ленинского учения. Это потом, десятилетием позже, стали на всех углах цитировать высказывание китайского мудреца Дэн Сяопина о том, что не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мы-

шей. А тогда подобные вольные мысли у нас, в СССР, могли плачевно отразиться на твоей личной судьбе.

И всё равно ростки обновления пробивалась сквозь укатанный асфальт. Сама жизнь наводила на мысль о том, что катализатором дальнейшего развития экономики и всей социальной системы является многоукладность народного хозяйства, передача в частные руки обслуживающие функции. В очередной раз, готовя критическую корреспонденцию о безобразиях, творящихся в грузовых транспортных агентствах, я при сборе материала столкнулся с молодыми мужиками, которые в частном порядке помогали горожанам перевозить мебель. Это называлось, как известно, халтурой. Хотя никакой халтуры в прямом смысле этого слова не было. Они работали на совесть. Но и денежки, соответствующие запрашивали.

Возглавлял эту группу мужиков некто Батанов. Молодой, высоченный парень, пахнущий импортным дезодорантом и говорящий исключительно на правильном литературном языке. И он мне доходчиво, напористо разъяснил, что их работа более качественна, более оперативна и при этом дешевле, чем у государственного предприятия. Корреспонденцию я так и озаглавил «Батанов против трансагенства», надеясь, что её публикация заставит кое-кого задуматься. Но вместо этого руководство областного объединения «Свердловсктрансагенство» направило в правоохранительные органы письмо с требованием, чтобы они приняли соответству-

ющие меры против «левых» перевозчиков.

Частые командировки по городам и сельским районам Урала сводили меня с замечательными людьми, чей труд заслуживал высокой общественной оценки. Но не всегда удавались мне очерки о них. Очевидно, как и многие мои коллеги, я тогда не утруждал себя проникновением в психологию их поступков, не вникал в мотивацию их поведения. Портреты героев писались исключительно радужными красками, хотя их судьбы были куда сложнее и драматичнее, чем мы представляли.

В одной из командировок в Артинской район Свердловской области я решил побродить по селу без сопровождающих, которых всегда приставляло районное начальство к журналисту. В ремонтных мастерских познакомился с Геннадием Михайловичем Коневым – человеком средних лет со свежей наружностью. Слово за словом, и я узнал немало любопытного. Геннадий Михайлович, оказывается, когда-то учился в политехническом институте в Свердловске, чуть ли не в одно время с Б.Н. Ельциным. Бросил учебу на третьем курсе, вернулся в родное село Манчажское. Не пьёт, не курит. Да такой мужик у здешних запоздавших невест должен быть нарасхват! Но он семьёй так и не обзавелся. И на работу был не скор.

– Вы напрасно мной так интересуетесь, – сказал мне Геннадий Михайлович. – Я не герой вашей писанины. Лодырь я! Всё село об этом знает.

Как говорится, «чуйка» мне подсказала, что знакомство с этим лодырем выводит меня на очень сложный публичный разговор. И задержался в этой поездке ещё на два дня. Узнал, что в селе к Коневу прилипла кличка «немец», что он равнодушен к деньгам. Что у него в доме все разложено по полочкам, и не дай Бог нарушить кому-нибудь этот порядок.

А лодырем его окрестил директор совхоза только за то, что Конев, будучи комбайнером, когда-то отказался валить хлеб в авральном порядке. Он так и заявил директору: вы подготовку к уборке заболтали, а теперь хотите взять нахрапом, ночной работой. В общем, Конева записали в диссиденты местного масштаба, да ещё называли лодырем.

Очерк не вытанцовывался, критическая корреспонденция тоже. За что осуждать-то Конева? И я написал статью «Тихий ход». Да, Конев не энтузиаст, на абордаж, где надо и не надо, не идет. Трудится размеренно, с виду даже с ленцой. А в холостяцком хате, где его никто не видит, колдует в своей домашней слесарной мастерской. Из ржавых железяк, подобранных на деревенских захламленных дорогах, вытачивает разный слесарный инструмент: молотки и молоточки, щипчики, плоскогубцы, отвёртки... И все это красиво разложено по полочкам. Немец ведь!

Тихий ход... Но ведь правильно в народе говорят: тише едешь, дальше будешь. Сосед Конева, такой же механизатор, шумливый, вёрткий, руками машет как мельница крыльями, у начальства пользуется благорасположенностью. А почему?

А что не поручишь, за всё хватается, но делает это через пень-колоду. А Конев, видите ли, лодырь. И только потому, что у него есть своё мнение, часто неугодное руководству хозяйства. Что он к делу подходит не с наскока, а вдумчиво, не торопясь...

Вот этот случай навел меня на размышления о том, как мы небрежно, похабно относимся к самой великой нашей ценности – к человеку. Не утруждаем себя разглядеть в нем его «эксклюзивные» качества, ценные не только для него, но и для всех нас. Поэтому-то многие люди в жизни оказываются не на своем месте. А если это место руководящее, то тогда не оберёшься беды. Так невольно разговор подвел к негодной кадровой политике, когда выдвигаются на ответственные должности люди, не обладающие необходимыми достоинствами.

Не знаю, как отреагировал на эту статью наш главный придирчивый читатель – Свердловский обком партии во главе с Б.Н. Ельциным. Но заместитель главного редактора газеты Арнольд Вениаминович Уряшёв, прочитав материал уже в газетной полосе, одобрительно сказал: тонкая тема, и мне кажется, ты с ней справился. С этими словами он протянул мне коллективное письмо, присланное их пригородного совхоза «Свердловский». Посмотри, сказал он, проверь все факты до косточки, прежде чем писать.

Я прочитал письмо и понял, что не зубам оно мне. Нет, не

мне, а нашей уважаемой газете. Речь шла о барском отношении к людям директора Владислава Тимофеевича К. Директор—то был не простой. Хозяйство, которое он возглавлял, было хорошо организованным, высокорентабельным, призом всесоюзных производственных соревнований. Разумеется, и сам директор был не обойден наградами. В общем, заметная и влиятельная фигура на Урале.

Но главное, что мешало подобраться к нему, было в другом. Владислав Тимофеевич был на короткой ноге с руководством обкома партии и облисполкома. Пригородный совхоз снабжал столы заказов и буфеты этих высоких учреждений наисвежайшей и качественной продукцией — без всяких там химикатов. В хозяйстве, как судачили всезнающие языки, для этих целей держали специальные фермочки дойных коров и для откорма бычков.

Но, согласитесь, это ещё не повод для зубодробительного газетного материала. Суть жалобы рабочих совхоза заключалась в другом. Директор ведет себя как собственник совхозных угодий. Захочет — отберет чей-нибудь огород, отнимает у детворы полянку, где они играют, и запашет её. С людьми разговаривает через губу. Пенсионеров с их законными просьбами даже на порог кабинета не пустит...

Для меня эта история осложнялась ещё тем, что в совхозном поселке жили родители моей жены — педагоги, ветераны народного образования Федор Васильевич и Анастасия Кирилловна Никитины. Их бытовые проблемы напрямую зави-

сели от благосклонности директора. В частности, у него на рассмотрении лежало их заявление на установку городского телефона. Они догадывались, зачем я зачастил в совхоз и встречаюсь с рабочими. Зная мой характер, они поняли, что телефона им теперь не видать.

Я принялся собирать материал. Ушло на это больше недели. Встретился не только с авторами письма в редакцию, но и со специалистами хозяйства, пенсионерами, когда-то работавшими в совхозе. Рассказанное ими я просил подкрепить росписью в моём блокноте, чтобы потом не было отказа от своих слов...

И вот я в директорском кабинете. Рассказываю о письме, о том, что стало мне известно от механизаторов, овощеводов, животноводов. Владислав Тимофеевич молча, снисходительно слушает. Потом долго говорит в трудностях директорской работы, о неблагодарных людях, которые думают только о себе. О первых лицах области, которые часто навещают хозяйство, одобрительно оценивают его деятельность...

Я чувствую, что проникаюсь даже симпатией к этому человеку- трудяге. Он действительно успешный управленец. И он действительно заслуживает жить в двухэтажном коттедже, который построил для него совхоз. Но почему людям, таким же работягам, он отказывает в маломальском внимании? Мне бы знать тогда, что в образе Владислава Тимофеевича отражается зарождающаяся хищная сила, и придет вре-

мя, она легализует свои устремления к жизни, построенной на их частносоциалистических инстинктах. Для таких, как Владислав Тимофеевич, социализм был уже в тягость, они устали бежать за призраком всеобщего благоденствия. Они желали благоденствовать уже сейчас, без страха перед общественным осуждением и без страха перед законом. Это значит, что им нужно строить государство и другое общество под себя...

Подготовленная статья под названием «Что скажут люди» лежала в секретариате, как мне казалось, без движения. Я, видимо, плохо представлял тогда закулисную часть редакционной жизни. Материал, конечно же, изучал по строчкам редактор Иван Степанович Гагарин. Уходя в отпуск, он, как я понял, поручил своему заместителю А. В. Уряшеву опубликовать его во время редакторского отсутствия. Статья дважды выставлялась в номер и дважды слетала. И наконец, опубликовали.

Официальная реакция была стандартной. На бюро Чкаловского райкома партии г. Свердловска признали факты злоупотреблений служебным положением в личных целях директора совхоза «Свердловский». Ему был объявлен строгий выговор. Наказание тоже стандартное, дежурное. Но оно помешало директору получить высокую государственную награду – орден Ленина. Представление к награде, очевидно, было отозвано.

Обычно после подобных публикаций журналист испыты-

вает одновременно и удовлетворённость, и опустошённость. Уж очень много сил уходит на подготовку критических материалов. А после публикации приходится бороться с опровержениями, доказывать подлинность каждого факта. Иначе дело дойдет до суда. Всё это изматывает, обессиливает. Вот почему Иван Степанович Гагарин, другие руководители редакции требовали от журналистов, чтобы в их блокнотах был запас убойных доказательств и свидетельств как дополнительные важные козыри.

Мало кто из моих коллег становился на тропу войны со всякого рода недостатками, нарушениями закона, злоупотреблениями. И в этом их нельзя упрекнуть. У каждого своя журналистская ипостась. Юрий Борисихин писал потрясающие очерки о сельской жизни. Его потом забрали заведовать отделом публицистики в журнал «Уральский следопыт». Виктор Хлыстун, будущий собкор «Комсомольской правды» в Югославии, радовал читателей тонкими психологическими исследованиями мотивации человека. Владимир Долматов, будущий главный редактор журнала «Родина», писал замечательные статьи на религиозные темы. У каждого был свой почерк, у каждого – свой читатель.

Но гвардейцами газеты безоговорочно считались Борис Воробьёв, Валерий Коршик, Рудольф Шипулин. Это – фельетонисты! Насколько я знаю, в настоящее время на факультетах журналистики не обучают технике сатирических жанров. Само слово фельетон давно вышло из речевого оби-

хода журналистов. Этот газетный и журнальный жанр, как и памфлет, стал анахронизмом, пережитком советского прошлого.

То и дело слышу и читаю, что в Советском Союзе средства массовой информации были полностью под каблуком власти, они не могли даже пикнуть против произвола чиновника, кумовства, расхищения государственной собственности, нарушений законности. Короче говоря, советские СМИ представляются теперь верными охранителями закостенелой государственной системы и застойных социальных отношений. Это, конечно же, выдумки. Что бы там ни говорили, советская печать, действительно, находясь в рамках жестких идеологических ограничений, имела и ярко выраженный критический характер.

«Уральский рабочий» был как раз таким изданием, где редкий номер не обходился без фельетона или подборки сатирических заметок. Причем объектом критики были не дворники, не ресторанные официанты, не таксисты, а чиновные люди, руководители предприятий, государственных учреждений. Конечно, были и такие журналисты, которые заглядывали в рот любому начальнику. Их и журналистами никто не считал. Один из таких газетчиков из свердловского вечернего издания, заведующий отделом городского хозяйства, даже не скрывал, что он бесплатно столуется в ресторанах и кафе города. Так его благодарили за «теплое отношение» к труду предприятий общественного питания и тор-

говли. Уже в девяностые годы этот журналист распинаялся на всех перекрёстках, что в советское время критике не давали хода.

Фельетон в «Уральском рабочем» всегда стоял на первом месте. И королем этого жанра был Борис Васильевич Воробьёв. Сложный по характеру человек, но его ценили за его талант и бескомпромиссность. Мне довелось несколько раз бывать в командировках вместе с ним и готовить к публикации совместные статьи. Поражался, как он умел сходу находить точное, простое слово, а факты преподносил, не искажая их смысла, в острой сатирической огранке.

Три наших фельетониста – Борис Воробьёв, Валерий Коршик и Рудольф Шипулин – были гордостью газеты, уральской журналистики, но и много хлопот, тревог доставляли руководству редакции. Валерий Коршик выдал очередной фельетон на тему кадровой политики, после чего ему пришлось объясняться в партийных инстанциях. Я до сих пор помню, какой остроумный ход нашел фельетонист. В редакцию газеты позвонил солидный басовитый голос и настойчиво попросил: напишите про меня фельетон, покажите, какой я нечистый на руку человек, что я лицемер, лизоблюд и вообще, последний поганец. Факты? Не волнуйтесь, фактами я вас обеспечу...

Журналист спрашивает: зачем вам это надо, дурной славы захотелось? А вот затем, говорит солидный бас, что надо мне расти по служебной лестнице, задержался, понимае-

те ли, в заместителях... Этот фельетонный намек возбудил гневное недовольство в различных инстанциях. Стали требовать доказательств того, что в руководство выдвигаются недостойные люди. А доказательств искать не нужно было. Всё чаще и чаще фигуранты острых критических публикаций, получив традиционный «выговор с занесением в личное дело», через короткое время всплывали в новом начальственном обличье. Правда, ещё не доходило до того, когда человек с уголовным прошлым становился первым претендентом на высокую руководящую должность. Это стало обыденным делом уже после свержения советской власти – после криминальной революции, как точно назвал этот переворот Станислав Говорухин.

Бойкость наших фельетонистов приносила все больше огорчений редактору «Уральского рабочего» Ивану Степановичу Гагарину. Он не мог и не желал по своему характеру, по своим партийным убеждениям, обуздать острые перья. Напротив, редактор недовольно хмурился, если в готовящемся номере не находил «гвоздя» – фельетона или статью на злободневную тему. Выученик старой партийной школы, Иван Степанович считал критику мощной очищающей силой, а журналистов с критическим анализом жизни старался опекать и поддерживать.

Фельетон «Косари в командировке» Валерия Коршика появился в центральной газете «Правда». Пожалуй, с этого момента начали тикать часы об отставке Ивана Гагари-

на с должности главреда «Уральского рабочего». О фельетоне. В 1977 году выдалось катастрофически засушливое лето. Для заготовки сена и сенажа отправляли косарей в соседние области. Из Нижнего Тагила в Тюменскую область выехал сводный отряд рабочих. Косари там в свое удовольствие по пьянствовали, и, чтобы отчитаться за самоотверженную работу, ловко состряпали приписки.

В «Уральском рабочем» фельетон завернули автору. Понимали, что один из организаторов этого пьяного сенокосного десанта Юрий Петров, ставший к тому времени вторым секретарем обкома, костыми ляжет, но публикации не допустит. И нечего ввязываться в драку. Тогда Валерий Степанович Коршик отправил фельетон в центральную «Правду». Выходец из «Уральского рабочего» фельетонист газеты «Правда» Валентин Федорович Прохоров быстренько подготовил материал и вскоре, прямо в канун Нового года, его опубликовали.

Как вспоминал позже Валерий Коршик, обком партии, возглавляемый Б.Н. Ельциным, сделал всё, чтобы опровергнуть факты, изложенные в фельетоне. Членов бюро обкома прежде всего возмутило то обстоятельство, что автор публикации не член партии. Значит, он не имел никакого права (!) критиковать партийных руководителей. В общем, всё шло к тому, чтобы опровергнуть публикацию и строго наказать клеветников...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.